

ЛИНА БЕНГТСДОТТЕР ФРАНЧЕСКА

БЛЕСТЯЩИЙ ОБРАЗЕЦ ЖАНРА,
В КОТОРОМ СМЕЛЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ТВИСТЫ
УРАВНОВЕШЕНЫ ГЛУБОКИМ ПСИХОЛОГИЗМОМ.

CRIME REVIEW, UK

18+

Триллер по-скандинавски

Лина Бенгтсдоттер
Франческа

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Бенгтсдоттер Л.

Франческа / Л. Бенгтсдоттер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-134000-1

Детектив Чарлин Лагер приезжает в свой родной город, надеясь отдохнуть от стокгольмской суеты. Однако провинциальная жизнь оказывается далека от идиллических фантазий. За парадными фасадами скрывается неприглядная правда, и местные жители очень ревностно оберегают свои постыдные секреты. Чарлин понимает, что в прошлом этого городка кроются тайны, которые отбрасывают тени и на события настоящего... Так внимание детектива привлекает одно загадочное происшествие минувших лет — исчезновение юной Франчески Мильд. Дело так и не было раскрыто. Полиция списала все на трудный возраст, тем более Франческа и так всегда казалась белой вороной среди сверстников. Однако Лагер уверена: исчезновение девушки — это лишь одно из звеньев в цепи преступлений, которые так и остались безнаказанными. И чем ближе детектив к разгадке, тем сильнее ее страшит правда, от которой она хотела бы сбежать...

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-134000-1

© Бенгтсдоттер Л., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Лина Бенгтсдоттер

Франческа

Lina Bengtsdotter

FRANCESCA

First published by Bokförlaget Forum, Stockholm, Sweden. Published in the Russian language by arrangement with Bönner Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Lina Bengtsdotter, 2018

© Колесова Ю., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Блестящий образец жанра, в котором смелые сюжетные твисты уравновешены глубоким психологизмом.

Crime Revirw, UK

*Моим сестрам – тем, что идут рядом,
и тем, что ушли вперед.*

*Эх, Франческа!
Не предупредила
И тихо на цыпочках
Утром ты уходила.
Спасибо за солнечный свет,
За то, что со мною была,
За то, что тебя со мной нет,
За то, что свободной ушла.*

*Рой Харпер
«Франческа»*

*Странная штука быть ребенком, которого не любят.
Ты несчастен, но и свободен.*

*Юхан Люкке Хольм.
«Ночь, предшествовавшая дню».*

Пролог

Позади часовни стояла компания парней. Я пришла со стороны озера, и никто из них не заметил меня, пока я не приблизилась к ним вплотную. В слабом свете, падавшем из освещенной церкви, их лица на фоне черных фраков казались бледными, как у привидений. Те

самые убудки, и у всех как на подбор королевские имена: Эрик, Густав, Оскар, Магнус, да еще Хенрик Шернберг, самодовольный бойфренд моей сестры.

Первым меня заметил Хенрик. Должно быть, я напугала его – по крайней мере, вид у него был испуганный, когда он спросил, какого черта мне тут нужно. Некоторое время я стояла, уставившись на него, а потом расхохоталась.

– Чего ты ржешь? – спросил он. – Что с тобой не так, черт подери?

Я не ответила, потому что не знала – ни чему я смеюсь, ни что со мной не так.

– Иди потанцуй, дурочка, – сказал Эрик. – Покружись в вальсе и все такое.

– Мой кавалер исчез, – ответила я.

Стоило мне произнести эти слова, как настроение у меня сразу переменялось – я почувствовала, как подступили слезы. Поль уже давно куда-то подевался, а оставаться на осеннем балу без него я не видела никакого смысла. Он пообещал мне станцевать со мной первый и последний танец, и оркестр в спортивном зале вот-вот заиграет финальную мелодию. Может быть, уже заиграл. Не знаю, почему меня все это так расстроило – я особо не переживаю по поводу того, с кем мне танцевать и по поводу танцев вообще, но тут все дело в Поль.

– Посмотри у него в комнате, – посоветовал Эрик. – Он, наверное, перебрал.

Я ответила, что его там нет.

– Но здесь его тоже точно нет, – буркнул Хенрик. – Так что поищи в другом месте.

Однако я так и осталась стоять, поскольку не могла придумать, где еще искать. У озера и у Плакучей Ивы я уже побывала, и в Тальуддене было пусто. Эта скамейка у семейных склепов оставалась моей последней надеждой.

– Что с тобой? – спросил Хенрик, когда я покачнулась.

– Голова... закружилась, – пробормотала я и протянула руку, чтобы опереться о могильный камень. Но я неверно оценила расстояние и рухнула. Уже лежа на земле, я заметила розу – под цвет моего платья, которую Поль вставил в нагрудный карман своего фрака.

– Поль был здесь, – заявила я, показывая парням желтую розу.

– Ты о чем? – спросил Хенрик. – Да не видели мы твоего бойфренда!

Примерно с этого момента наши версии произошедшего расходятся.

1

Чарли попыталась найти удобное положение в кресле с откинутой спинкой. Слева наискосок от нее сидела Эва – психолог.

Эва только что озвучила правила их беседы. Важно соблюдать время начала и конца сессии, важно открыто говорить, если что-то не нравится, важно помнить, что все сказанное, разумеется, останется в этих стенах.

Эва говорила дружелюбным тоном, однако по ее взгляду легко было догадаться, что она может проявить и строгость, если это потребуется. Чарли зарнее погуглила и знала, что Эва – член союза психологов и имеет за плечами пятнадцатилетний профессиональный опыт. Первое требование, которое выдвинула Чарли, когда Чалле заставил ее пройти курс психотерапии, – чтобы ей дали человека образованного, а не самодовольного болвана, прошедшего восьминедельный курс личностного роста. Тратить время на того, кто будет говорить банальности или травить байки из собственной жизни, она не собиралась. С огромным удовольствием она вообще не пошла бы ни на какую терапию, поэтому под любым предлогом откладывала первую встречу. Чарли всеми силами пыталась показать Чалле, что с ней все в порядке, что она держит ситуацию под контролем и в состоянии справляться с работой, однако после событий прошедшего лета начальник ей не доверял.

И вот теперь она сидела в этом странном кресле в приемной Эвы. За окнами пестрели на гигантском дубе желтые и оранжевые листья, дождь узкими полосками струился по стеклам.

– Расскажи, Чарлин, – начала Эва, – что заставило тебя прийти сюда?

– Можешь называть меня Чарли.

– Что заставило тебя прийти сюда, Чарли?

– Это все из-за моего начальника. Он выставил ультиматум. Считает, что мне нужна помощь.

– Вот как... – Эва бросила на нее внимательный взгляд, и Чарли подумала, что собеседница мысленно делает отметку «неадекватная самооценка». – А ты с этим согласна?

– Что мне нужна помощь?

– Да.

– Ну, наверное, нужна, но я здесь только потому, что хочу сохранить работу, а сама вряд ли бы пришла.

– Не могла бы ты рассказать о себе в общих чертах? Я знаю, кем ты работаешь, но мало что сверх того.

– А что еще тебе важно узнать? – спросила Чарли.

Эва улыбнулась и ответила, что человек – это гораздо больше, чем его работа. Может быть, она опишет, кто она такая – в более широком смысле.

– Само собой, – ответила Чарли. – Я люблю...

Она запнулась. А что она, собственно говоря, любит? Читать, пить, быть одной. Сейчас ей не приходило в голову ничего более оптимистичного.

– Я люблю читать...

Видя, что Эва ожидает продолжения, она хотела добавить, что любит тренироваться, но с какой стати врать?

– Раньше тебе доводилось обращаться к психиатру? – спросила Эва после паузы.

– Да, несколько сеансов во взрослом возрасте и длительный период психотерапии в подростковые годы. Моя мама умерла, когда мне было четырнадцать лет.

– Тяжело терять родителей в таком возрасте.

Чарли кивнула.

– А твой отец?

– Неизвестен.

– Понимаю. Какие у тебя были отношения с мамой?

– Очень... – Чарли снова запнулась, не зная, что сказать. Сложные? Запутанные? – Мама была человеком необычным.

– В каком смысле?

– Она была не такая, как другие мамы. Можно сказать, я прилагаю большие усилия, чтобы не стать такой, как она.

– Это естественно, – проговорила Эва, – когда не хочется повторять ошибки родителей. Но, когда ты стараешься не походить на свою маму, ты все равно ведешь отсчет от нее. Пожалуй, только когда начнешь действовать независимо от того, какой она была, почувствуешь себя полностью свободной.

– Разумеется.

– К этому мы еще вернемся. Но сначала мне хотелось бы, чтобы ты рассказала, почему твой начальник поставил такой ультиматум – обязал тебя пройти курс психотерапии.

В голове у Чарли зазвучал голос Бетти. Те слова, которые та часто повторяла, когда была не в духе: «*Кажется, подводное течение тянет меня вниз. Если я замру и задумаюсь, меня утянет на дно. Лучше не думать, не говорить. От этого все станет еще хуже*».

– Наверное, это связано с алкоголем, – ответила Чарли. – Случается, что я пью больше, чем надо. А сижу я здесь потому, что раньше умела как-то контролировать ситуацию и пила только в те дни, когда я выходная, даже накануне выхода на работу воздерживалась – по крайней мере, не в таких количествах. Но в последнее время бывает, что я пропускаю пару бокалов,

хотя мне на следующий день на работу, так что, наверное, от меня пахло спиртным. А у Чалле – моего начальника – потрясающий нюх.

– Вероятно, в этом смысле тебе повезло, – проговорила Эва. – Я хотела сказать – из-за этого ты получила помощь вовремя.

– Откуда ты знаешь, что вовремя? – не удержалась Чарли.

– Ты осознаешь свои проблемы и открыто говоришь о них. Это неплохое начало.

– Я давно все понимаю, однако ничего не могу с этим поделать, так что не знаю, настолько ли все оптимистично.

– Мне показалось, ты только что сказала, что раньше тебе удавалось контролировать ситуацию.

– У меня и раньше бывали срывы, – сказала Чарли.

– Но, так или иначе, сейчас ты здесь.

– Да, теперь я здесь.

За этим последовало несколько минут поверхностной болтовни. Потом снова повисла тишина. Чарли принялась разглядывать картины за спиной у Эвы. В рамках висели... картинки к тесту Роршаха, как она теперь поняла. Она попыталась увидеть, что изображают фигуры, чтобы понять состояние своего психического здоровья, но ее прервала Эва, желавшая узнать о ее непосредственных задачах на работе.

Чарли рассказала о своей работе следователя в Национальном оперативном отделе, как она и ее коллеги подключались к расследованию особо тяжких преступлений по всей стране, чтобы помочь местной полиции.

– А как в целом выглядит твоя жизненная ситуация? – спросила Эва.

– Я одна, детей нет, – ответила Чарли.

– Если мы вернемся к употреблению алкоголя, – проговорила Эва, никак не прокомментировав ее семейное положение, – как долго это было проблемой?

– Не знаю точно. Смотря кого спросить.

– Я спрашиваю тебя.

– С тех пор, как я начала пить, мне это очень нравилось, и я всегда пила больше, чем окружающие. Я никогда не понимала, как можно выпить один бокал и на этом остановиться. Но я не считаю себя алкоголичкой на том основании, что пью больше других. Можно сказать, что это со мной случается периодически, но после приходят и более спокойные периоды.

– А период, который привел к этой встрече, – когда он начался?

– Точно не помню, но несколько месяцев назад мне пришлось поехать в Гюльспонг – места моего детства. Это маленький городок в Вестергётланде, – добавила она, заметив, что название явно ничего Эве не говорит. – Я жила там до того, как умерла мама. После ее смерти я переехала в Стокгольм.

– У тебя там были родственники?

– Нет, меня поместили в приемную семью.

– Ну и как?

Чарли не знала, что ответить. Чем интересна жизнь в маленьком домике в Худдинге, о чем стоило здесь рассказать? Перед глазами у нее встал сад, аккуратно подметенная дорожка, клумбы, где все росло ровными рядами, и маленькая яблоня, никогда не приносившая плодов. Вспомнилась первая встреча с приемными родителями Бенгтом и Леной и их дочерью Лизой, которые сухо приняли ее в своем стерильно чистом доме. Внешне семья казалась именно такой, о какой она мечтала, когда Бетти в очередной раз слетала с катушек: спокойные, правильные люди, ложившиеся спать в определенное время, все вместе садившиеся за ужин, мама, которая складывала в пакет форму для физкультуры и готовила простую еду, не впадая в истерику. Лена никогда не валялась на диване, умоляя убрать весь свет и звуки. Никогда не устраивала вечеринки с приглашением совершенно незнакомых людей. Чарли вспомнила свою комнату в

маленьком домике, чистое постельное белье, запах мыла и роз. «Чувствуй себя как дома, – сказала ей Лена в первый вечер. – От души надеюсь, что тебе действительно будет здесь хорошо, Чарлин, и что вы с Лизой подружитесь, словно сестры».

Но в доме в Худдинге Чарли никогда не чувствовала себя как дома, и они с Лизой так никогда и не стали сестрами.

Эва кашлянула.

– В приемной семье все было нормально, – ответила Чарли. – Там во всем был порядок, я могла сосредоточиться на учебе.

– Хорошо, – кивнула Эва. – Но давай вернемся к тому, с чего начался этот твой период. В начале лета ты поехала в Гюльспонг. Почему?

– По работе. Пропала девушка – Аннабель Роос. Ты наверняка читала об этом случае в газетах.

– Да, что-то слышала.

– Мы отправились туда, чтобы помочь местной полиции, и оказалось, что возвращаться туда тяжело – куда тяжелее, чем я ожидала.

– В каком смысле?

– Во мне пробудилось множество воспоминаний, и я...

Чарли увидела перед собой хрупкое тело Аннабель, которое поднимают из черной воды Гюльспонгсэльвен, увидела Маттиаса, бойфренда Бетти, исчезающего в этой воде двумя десятилетиями ранее, увидела двух девочек, ведущих плачущего мальчика – давным-давно, в те времена, когда сама она еще не родилась на свет.

– И ты – что? – спросила Эва, подаваясь вперед на стуле.

– Можно сказать, что я восприняла это все немного слишком близко к сердцу. А потом совершила ошибку, меня отстранили от следствия, и это тоже, конечно, сказалось на мне. Когда вернулась в Стокгольм, я рассчитывала, что все станет как прежде, но так не получилось. Напротив, все стало еще хуже.

– Что стало хуже?

– Страх, тоска, чувство бессмысленности, бессонница. Я плохо сплю, а когда засыпаю, мне снятся неприятные сны.

– Опиши их.

– Сны?

– Да.

– Все это началось, когда я вернулась домой из Гюльспонга, потом стало немного поспокойнее, но сейчас я расследую дело, которое задевает меня больше, чем мне бы того хотелось.

Эва спросила, что это за дело, и Чарли рассказала про двух молодых женщин из Эстонии, которых нашли убитыми и брошенными в лесочке в пригороде. У одной из них была трехлетняя дочь – голодное и несчастное существо, просидевшее в одиночестве в запертой квартире не меньше двух суток. Девочка до сих пор не проронила ни слова, хотя прошло уже две недели с тех пор, как ее нашли.

Эва сказала, что ничего странного, что такое задевает за живое – судьба брошенного маленького ребенка у большинства людей вызвала бы сильные чувства. Но ведь девочка жива?

– Она жива, – кивнула Чарли. – Но не более того. Сегодня ночью мне снилось, что это мой ребенок, что я ее мама. Я хотела побежать домой и спасти ее, но у меня не получилось, потому что я была мертва. А потом, в следующем сне, я сама была этой девочкой, и... в общем, понимаешь.

– Ты принимаешь лекарства? – спросила Эва, никак не комментируя сны.

– Сертралин, – ответила Чарли. – Сто миллиграмм.

Она не стала уточнять, что иногда добавляет к нему собрил или снотворное, а иногда и то, и другое.

– Больше ничего? – спросила Эва.

Чарли покачала головой.

– Ты, наверное, знаешь, что кошмарные сны – обычное побочное действие при приеме сертралина?

Чарли кивнула. Все это она прекрасно знала, но сертралин она и до того принимала годами – так что, видимо, дело не в нем.

Эва сложила руки на коленях.

– Та ошибка, о которой ты говорила, – продолжала она. – Я хотела бы, чтобы мы остановились на ней поподробнее.

Некоторое время Чарли вспоминала тот вечер и ночь в пабе. Водку с лакрицей, вино, пиво, Юхана. Вернувшись в Стокгольм, она по глупости начала копаться в его жизни. Для того, чтобы идти дальше, надо мысленно сложить все в большой мешок и вынести на помойку, ей это прекрасно известно, однако вместо этого она начала проверять все, что обнаружила. Все началось с того, что она пожелала знать, где он живет, убедилась, что он холост, что он действительно сын бойфренда Бетти. Похоже, все сходилось.

– Чарли! – Эва посмотрела на нее.

– Прости, что ты сказала?

– Я попросила тебя рассказать о той ошибке, о которой ты упомянула.

– Да-да. Я помню не все, что происходило в тот вечер, но я немного перепила и привела в свой номер журналиста. На следующий день в прессе появилась секретная информация о расследовании. Хотя это не я проболталась, но все, ясное дело, подумали на меня. И – да, у меня начались проблемы.

Некоторое время Эва сидела молча, словно ожидая, что Чарли расскажет что-нибудь еще. Потом спросила:

– Как ты думаешь, ты провела бы ночь с этим мужчиной, будь ты трезвая?

– О боже, нет!

– Почему нет?

Чарли не знала, что ответить, поэтому сказала, как есть – что она не помнит, когда в последний раз ложилась в постель с мужчиной трезвая. А что тут не так?

– А ты сама как думаешь? – спросила Эва.

– Само собой, тот поступок я считаю идиотским, но в других ситуациях – в смысле, когда я не при исполнении? Ты считаешь, что в этих случайных контактах есть что-то плохое?

– А тебе важно, что я думаю по этому поводу?

Чарли сказала, что нет, но это была неправда – если что-то ее и раздражало, так это люди, берущиеся осуждать других.

– Как бы то ни было, мне трудно ответить на этот вопрос, но использовать секс, чтобы заглушить свое душевное состояние, – продолжала Эва, – возможно, не самая конструктивная стратегия.

– Но это всяко лучше алкоголя, ведь так?

– Насколько я понимаю, ты используешь и то, и другое?

Чарли вздохнула, посмотрела в окно, проводив взглядом пролетавшего мимо дрозда.

– Я не говорю, что неправильно заниматься сексом с незнакомыми людьми. Я просто имею в виду, что тебе надо задуматься, почему ты это делаешь. Какие цели преследуешь.

– Мне от этого становится легче – разве этого мало? Нужны ли более глубинные причины? Разве нельзя просто делать то, от чего тебе лучше?

– Можно, конечно. Но то, что позволяет тебе чувствовать себя лучше сейчас, необязательно улучшит твоё состояние на долгосрочную перспективу.

Чарли кивнула. Горькая правда.

– Человек, зависимый от наркотиков, чувствует себя лучше, когда примет дозу, – добавила Эва, – однако это не означает...

– Да-да, я понимаю.

Чарли все больше сожалела, что потребовала встречи с профессиональным психологом. Куда проще было бы пообщаться с оптимистичным коучем, который посоветовал бы ей новые формы йоги и медитацию. Для того, чтобы ей действительно помогли, надо было копать глубоко, а она сильно сомневалась, что у нее хватит на это сил. Она почувствовала усталость.

– Возвращаясь к твоей маме, – проговорила Эва. – Какая она была?

– Она была... не такая, как все.

Чарли взглянула на часы. Не то чтобы имело значение, сколько времени осталось до конца сеанса – будь у нее хоть целая вечность в запасе, она все равно не смогла бы описать Бетти. Казалось, вся Бетти соткана из противоречий и контрастов, тьмы и света, энергии и бессилия. Когда Чарли сама изучала психологию, то пыталась найти для нее диагноз, но ни один по-настоящему не подходил. Словно бы все рамки оказывались слишком тесными, когда речь заходила о Бетти Лагер.

2

До начала утреннего совещания оставалось еще полчаса. Покинув приемную Эвы, Чарли могла не спешить.

Дождь закончился, в воздухе запахло свежестью. Для Чарли осень всегда была любимым временем года. «*Пора увядания*», – говорила обычно Бетти. Тоска накатывала на Бетти еще до праздника середины лета – едва начинал облетать цвет с яблонь. Чарли же воспринимала осень как возрождение, как обещание порядка и баланса. Она любила запах шиповника и новых книг – все это напоминало ей о том, как снова начинались занятия в школе после длинных как вечность и непредсказуемых летних каникул. Но этой осенью все было по-другому. Казалось, она только делает вид, что ее интересует мир вокруг, притворяется, что работает, делает вид, что принимает участие в разговоре, притворяется, что живет, в то время как все вокруг каким-то загадочным образом стало большим и пугающим. На днях она была близка к тому, чтобы занавесить окно в спальне одеялом, спасаясь от света, пробивавшегося сквозь жалюзи. Уже тот факт, что она собиралась это сделать, напугал ее. Она не станет такой, как Бетти. Ни за что.

Чарли достала телефон, чтобы посмотреть, не перезвонила ли ей Сюзанна. Нет, подруга не звонила. Когда расследование в Гюльспонге закончилось, они с Сюзанной пообещали друг другу не теряться и вскоре снова увидятся. В первые недели Сюзанна звонила почти каждый вечер, когда выгуливала собаку. Они обсуждали ее ухудшившиеся отношения с мужем, говорили обо всем том, что вышло не так, как хотелось бы. Но некоторое время назад Сюзанна перестала снимать трубку и лишь отделялась короткими сообщениями, что с ней все в порядке, когда Чарли спрашивала, не случилось ли чего, – дескать, просто много всего навалилось.

Чарли набрала номер, прислушалась к улетающим в никуда звонкам и положила трубку в ту секунду, когда включился автоответчик, подумав, что, наверное, стоит уважать желание Сюзанны, чтобы ее оставили в покое.

Кристина, их администратор, вернулась из отпуска за границей, и хотя она уже не первую неделю рассказывала всем о поездке, Чарли забыла, где та была. Но сейчас Кристина стояла возле кофеварки в кухне рядом с залом совещаний и расписывала, как все было замечательно, как тепло, про море и бассейн, про все достопримечательности. Она и поехала-то туда из инстинкта самосохранения, ибо в Швеции и жары-то настоящей не было, кроме тех нескольких недель в июне – но их она просидела на работе. А потом... лето так толком и не началось.

Слушая ее, Чарли попыталась вспомнить лето. О погоде она даже и не задумывалась. В те редкие дни после возвращения из Гюльспонга, когда ей не надо было на работу, она просто целыми днями спала.

Кристина сказала, что уже с нетерпением ждет следующего лета.

– А я нет, – проговорила Чарли и взяла булочку с блюда на столе.

– Ты шутишь?

– Нет. Я не люблю лето, не люблю выходные, не люблю праздники и все такое. И путешествовать тоже не люблю, – добавила она. И тут же пожалела о сказанном, ибо понимала: обсуждать такие маленькие странности с Кристиной – пустая трата времени. Почему она так и не научилась молчать? Сколько раз они увязали в бесконечных дискуссиях о самых бессмысленных вещах только потому, что она испытывала раздражение или просто-напросто скуку. С Кристиной надо говорить о погоде, рецептах и стоимости квадратного метра жилья. Конкретно, просто и в пределах нормы.

– Даже как-то удручает, – ответила Кристина. – Надо же – не любить лето!

– А что в этом такого удручающего? Есть и другие времена года, помимо лета. Жить в сплошном ожидании лета еще более грустно. И если грустить каждый день, когда солнце не светит – тогда сколько же останется дней в году, когда можно радоваться, если цель жизни – извлечь из нее максимум радости?

Кристина уставилась на нее пустыми глазами.

– Боже мой! – воскликнула она. – Ну что так сразу сердиться только потому, что я чуть-чуть недовольна летней погодой и временем года.

– Я не сержусь, просто отреагировала на то, что ты сказала, будто я тебя удручаю.

– Но я ведь ничего такого не говорила!

В кухню вошел Хенрик. Кристина просияла.

– А ты, я смотрю, ездила на юга, – усмехнулся он.

Он улыбнулся Кристине и коротко кивнул Чарли.

Забыв о Чарли, Кристина снова принялась рассказывать о жаре, окрестностях, экскурсиях. Потом вдруг прервалась на полуслове, поздравила Хенрика и сказала, что маленькая птичка кое-что напела ей на ушко.

– Спасибо, – кивнул Хенрик. – Это и правда замечательно.

Он покосился на Чарли.

– Ты слышала, Чарли? – спросила Кристина. – Слышала, что кое-кто у нас собирается стать папой?

– Нет, но теперь слышу.

Чарли обернулась к Хенрику и улыбнулась, насколько смогла.

– Как здорово. Так за вас рада.

– Спасибо, – пробормотал Хенрик, и по его лицу разлился румянец.

«По крайней мере, он не утратил способность стыдиться, – подумала Чарли. – Уже что-то».

– А как чувствует себя Анна? – спросила Кристина, не уловив возникшей напряженности.

– Собственно говоря, довольно плохо, – ответил Хенрик, – но сейчас вроде бы стало немного лучше.

– А ты разве не пойдешь на утреннее совещание? – спросила Кристина, когда Чарли поднялась и двинулась к двери.

– Пойду, но до него еще три минуты.

Зайдя в туалет, Чарли подставила запястья под струю ледяной воды. Этому ее научила Бетти. *«Когда кровь закипает и мозг горит, холодная вода – лучшее средство. Держи запястья вот так – нет, не убирай, скоро ты ничего не будешь чувствовать, словно под наркозом».*

Держись, моя дорогая. Потерпи еще немного. Ну вот, теперь понимаешь? Чувствуешь, как все отступает?»

Чарли закрыла глаза, пытаясь выкинуть все из головы – не думать ни о чем, представлять себе белую комнату с белым потолком, белым полом, белыми стенами без окон. Но перед глазами все время вставало лицо жены Хенрика, ее руки на животе, рука Хенрика, нежно обнимающая ее за плечи, их радость по поводу будущего ребенка.

В последний раз Чарли переспала с Хенриком всего месяц назад. Внезапно он оказался у стойки в ее любимом баре – стоял, ухмылялся и делал вид, что попал туда совершенно случайно. Когда он предложил ей выпить, она ответила, что не хочет, что они больше не общаются в нерабочее время, но он настаивал. Можно же просто выпить по коктейлю и поговорить о том, что было в прошлом. В конце концов Чарли согласилась, но только на коктейль – никаких разговоров об их отношениях, у нее нет ни малейшего желания ворошить прошлое. Она уже выяснила для себя все, что ей нужно было знать: что Хенрик – трусливый и лживый человек, весьма высокого мнения о самом себе. Она это прекрасно понимала, но ее чувствам, казалось, на все наплевать. Чарли частенько говорили, что она человек рациональный, но, едва речь заходила о Хенрике, интеллект пасовал перед влечением, потому что единственное, чего ей хотелось, пока они сидели в баре, попивая «Лонг-Айлэнд», – привести его к себе домой и всю ночь заниматься с ним сексом. И потому после третьего напитка она именно так и поступила.

Радуйся, что он не твой, Чарлин. На что тебе непорядочный мужик? Зачем страдать по человеку, у которого нет совести?

Чарли открыла глаза. Она не хочет Хенрика. Ей казалось, что она его хочет, потому что она убеждала себя, что он другой, что в нем есть глубина. Но он всего лишь...

Он просто самый обычный мужик, моя дорогая. Не трать на него время.

Кто-то подергал дверь туалета.

– Простите, – услышала она снаружи голос Андерса. – Не заметил, что тут занято.

Чарли закрутила краны. Похлопала мокрыми пальцами под глазами, вытерла руки туалетной бумагой и вышла.

– Все в порядке? – спросил Андерс.

– Да. Просто немного простужена.

– Пропустим пивка после работы? Целую вечность не ходили вместе.

– Восемь месяцев, – уточнила Чарли.

– Неужели так долго? – Андерс наморщил лоб, словно не веря, что это правда. – Да, пожалуй, так и есть. В последний месяц перед рождением Сэма я был дома, а с тех пор... с тех пор ни разу не ходил в бар.

– Мария тебя не отпустит, – сказала Чарли и улыбнулась.

– У меня есть и собственная воля.

– Отлично. Тогда пойдем пропустим по бокалу вечером.

– Я только позвоню Марии и уточню у нее, – сказал Андерс.

– Договорились, – откликнулась Чарли. – Оставим пока вопрос открытым.

3

Когда утреннее совещание закончилось, Чалле попросил Чарли зайти ненадолго к нему в кабинет. Она вошла вслед за ним и закрыла за собой дверь.

– Я проверил состояние выходных и сверхурочных у всех сотрудников, – сказал Чалле, усевшись за письменный стол.

– И что? – спросила Чарли.

– И я не удивился, обнаружив, что у тебя больше всего неотгулянного отпуска.

– Так-так.

- Ты собираешься его использовать?
- Я же брала две недели в июле.
- Полторы, – уточнил Чалле. – А в прошлом году – ни единой недели.
- Да, но сейчас я веду важное расследование.
- Все расследования важные, – возразил Чалле. – Работа у нас есть всегда.

Чарли понимала, к чему он клонит – скоро он заговорит, что никому не будет пользы от того, что она принимает этот случай так близко к сердцу. Он уже заметил некую повторяющуюся закономерность – как он сказал при их прошлом разговоре, – что случаи, где пострадали социально незащищенные молодые женщины, слишком глубоко задевают ее, что она рискует довести себя до выгорания, а это ничего не даст ни жертвам, ни их близким, ни ей самой.

Перед глазами Чарли снова встали картины – обнаженные женские тела, взгляд трехлетней девочки, сидевшей в одиночестве в квартире. Как можно не принимать все это близко к сердцу?

– Я не имею в виду, что ты должна брать отпуск прямо сейчас, Чарли! Я просто хотел сказать, что тебе, как и всем остальным людям, требуются периоды восстановления.

С этим Чарли согласилась, но отметила, что потребность в восстановлении может выглядеть по-разному у разных людей.

Чалле ответил, что так и есть, но его обязанность сказать, если он считает, что кому-то из сотрудников надо отдохнуть. Ибо незаменимых нет. Кладбища – прекрасное тому подтверждение.

Чарли даже не улыбнулась этому нелепому выражению. Вместо этого она спросила, не связан ли этот разговор с летними событиями.

– Он связан очень много с чем, – ответил Чалле. – С событиями в Вестергётланде, с твоим употреблением алкоголя. И с тем, что у тебя усталый вид. В нашей профессии я не раз наблюдал, как очень толковые люди ломались, сгорая на работе, а я не могу себе позволить лишиться тебя.

– Ничего со мной не случится, – проговорила Чарли и с трудом сдержалась, чтобы не добавить: «Разве ты сам не говорил только что, будто незаменимых нет? Определись, пожалуйста, чего ты хочешь».

– Ты не можешь этого знать, истощение и выгорание нельзя победить усилием воли. Сама наверняка не хуже меня знаешь.

– Знаю, но если бы это было так, я бы уже давно выгорела. Кстати, я начала ходить к психотерапевту. Я делаю все, чего ты от меня требуешь.

– И это хорошо, – подхватил Чалле, – но я бы хотел, чтобы ты взяла несколько недель подряд. Может быть, когда это следствие закончится. Я тебя не заставляю, – добавил он, поймав взгляд Чарли, – но подумай об этом.

– Само собой. Я подумаю.

Чарли вышла из кабинета Чалле с легким ощущением удушья. Ей куда больше нравился Чалле в роли требовательного начальника, чем когда он пытался изображать заботливого папашу.

Если бы он хоть немного понимал, что для нее хорошо, он бы догадался, что длительный отпуск в таком состоянии стал бы для нее разрушительным. Чем она должна заполнять свои дни? Читением? А потом? Велик риск, что она пойдет в бар и выпьет пива, а потом закажет еще и еще, а вернувшись затем на работу, будет нуждаться в восстановлении более, чем когда-либо.

Вернувшись в свой кабинет, Чарли продолжила кропотливые поиски людей из круга общения двух эстонских женщин. Запутанный клубок из кличек и прозвищ, незарегистрированных телефонов и тупиковых ходов. Чарли испытывала стресс от того, что следствие топ-

чется на месте. На образцы ДНК, снятые с тел, соответствий в системе не обнаружилось, а немногочисленные полученные сигналы ни к чему не привели.

Через несколько часов она почувствовала, что нуждается в передышке. Чтобы немного отвлечься, она открыла Гугл и ввела имя Юхан Ру. Давненько она не проверяла, что он там еще написал. В поиске возникла статья, которую она раньше не читала. *«Какая судьба постигла Франческу Мильд?»* Чарли кликнула на ссылку, чтобы увидеть текст статьи. *«В ночь с седьмого на восьмое октября 1989 года из фамильной усадьбы Гудхаммар, расположенной неподалеку от поселка Гюльспонг в Вестергётланде, исчезла шестнадцатилетняя ученица школы-интерната Франческа Мильд»*. Чарли остановилась, а потом начала читать предложение с начала. *«... неподалеку от поселка Гюльспонг в Вестергётланде»*. И год – 1989. Почему никто ни словом не обмолвился об этой девушке, когда они искали Аннабель? Чарли покачала головой и продолжала читать. Родители уехали в гости, а Франческа и ее старшая сестра оставались дома одни. Сестра заснула рано и только утром следующего дня заметила отсутствие Франчески.

«Прошло двадцать семь лет с тех пор, как Франческа бесследно исчезла, но и по сей день неизвестно, какая судьба ее постигла. Версий выдвигалось немало. Ее паспорт отсутствовал, так что поначалу высказывалось предположение, что она исчезла по собственной воле».

Чарли прокрутила дальше, пробежав глазами строки о возможном самоубийстве, обследовании озера, допросе одноклассников, друзей и родственников. Все это ничего не дало. В статье приводилась большая фотография семейства Мильд на каменной лестнице перед фамильной усадьбой. Мужчина и женщина позади двух дочерей-подростков, которые на вид казались ровесницами. Все натянуто улыбались, кроме одной дочери, смотревшей в камеру взглядом горьким и упрямым. Франческа Мильд.

Ниже приводилась еще одна фотография. Учащиеся национальной школы-интерната Адамсберг в синей форме: мальчики в брюках, девочки в юбках в складочку. И тут – Франческа Мильд в более юном возрасте. Она стояла в первом ряду, единственная девочка, руки скрещены на груди.

Что же с ней случилось?

Взгляд Чарли упал на фамилию Юхана под статьей. Позвонить ему? Нет уж, к чему такие телодвижения?

Франческа

Свет ударил мне в глаза, когда я вышла из ворот больницы. Проведя больше недели в постели, я ощущала себя странно хрупкой. Казалось, за это время мир изменился и стал совсем другим. Не знаю точно, в чем дело – в цветах, звуках или в воздухе, но что-то сдвинулось с привычной оси. Я вцепилась в папину руку, закрыла глаза и дала ему отвести меня к машине.

– Франческа, почему ты закрыла глаза? – спросила мама.

– Свет, – ответила я. – От всего этого света мне больно.

Папа снял мою ладонь со своей руки, но я продолжала стоять с закрытыми глазами, шаря перед собой руками. Прищурившись, я заметила, как мама взглянула на папу и покачала головой. Ей трудно принять, что я иногда веду себя как сумасшедшая.

– Куда мы едем? – спросила я, втиснувшись на заднее сиденье папиной спортивной машины. Учитывая длину моих ног, меня стоило бы посадить вперед, однако, думаю, ни одно событие в мире не может считаться достаточно серьезным, чтобы заставить маму покинуть переднее сиденье.

Папа ответил, что мы едем в Гудхаммар. Он перенес все встречи в Швейцарии. Только теперь до меня дошла серьезность ситуации. Никогда ранее папа не отменял и не переносил встреч. Встреча – это встреча, договоренность – это договоренность, а контракт – это контракт. А Гудхаммар – туда мы ездим только на праздники и в отпуск.

– И что? – спросила я. – Что мы будем делать в Гудхаммаре?

– Мы обсудим, как нам лучше помочь тебе, – ответил папа. – Нам надо все спокойно обговорить, прежде чем решить, как жить дальше.

– Почему мне нельзя вернуться в Адамсберг?

– Думаю, ты понимаешь почему, – ответил папа.

Я сказала, что совсем не понимаю. Если кто-то и должен покинуть школу, так это Хенрик Шернберг и его друзья.

– Я хочу, чтобы мы больше не говорили о Хенрике Шернберге, – сказал папа. – С ним мы уже закончили.

Я подумала, что никогда не закончу с Хенриком Шернбергом – не перестану думать о нем и о том, какое наказание он должен понести. Потому что если даже все так и было, как они в один голос утверждают, эта королевская компания, – что они вообще не видели Поля в тот вечер, все равно они виноваты в его смерти. С первого дня, как Поль появился в Адамсберге, они дразнили его за его одежду, его манеру жестикулировать, когда он говорил, за его диалект. Они издевались над ним за то, что он бесконечно читает, за его философские рассуждения на уроках, за его интерес к мозгу, телу, жизни и смерти. Даже его шуткам они не смеялись, хотя он был самым остроумным из нас. И это было не только психическое давление – сколько раз они натыкались на него в коридорах или задевали его мимоходом, словно он был невидимым.

«Я как лебедь», – говорил он, когда я спрашивала, как ему удастся сдерживаться и не набить им всем морду. – *Все это с меня стекает*». Один раз я поправила его, сказав, что так говорят про гусей – это с гуся вода, а не с лебедя. Но Поль рассмеялся и ответил, что с лебедями все то же самое, холод никогда не добирается до кожи. Я возразила, сказав, что не знаю в точности механизмы отталкивания, однако наверняка есть причина, почему говорят «с гуся», а не «с лебедя». Потому что гуси к тому же еще и глупые. Говорят же, глупый как гусь.

Поль сказал, что он не глупый, просто ему плевать. Его не волнует, что о нем думает компания туполобых типов.

Поверила ли я ему, когда он это сказал? Помню, я подумала, что так наверняка лучше всего, как ни верти, – не слушать все эти оскорбления, дать им просто стечь с себя, но задним числом я поняла, что это не сработало. Должно быть, холод проник через все защитные слои в самое сердце Поля. И среди всего этого моя собственная сестра сошлась с Хенриком Шернбергом, самым вредным из них. И она не послала его даже после того, что случилось с Полем. Когда я спросила ее почему, она ответила так, словно мы были едва знакомы: «Сочувствую твоему горю, Франческа». И тут же заявила, что она верит Хенрику, любит его и что другой не может быть виноват в том, что кто-то покончил с собой.

Некоторое время я думала о сестре – о том, как она навещала меня в больнице. В первый свой приход она рыдала, словно бы я уже умерла, а во второй раз, поняв, что я выживу, плакала из-за того, что я распространяю ужасную ложь про ее бойфренда. Я и раньше так делала, заявила она, и напомнила мне, в чем я обвинила старшего брата Эрика Вендта. У меня не было сил ей возражать.

– А Сесилия? – спросила я, когда папа вырулил на трассу. – Что будет с Сесилией?

Папа встретился со мной глазами в зеркале заднего вида и ответил, что с Сесилией ничего не произойдет.

– Не понимаю, как вы можете оставить ее в этой школе.

– Ты беспокоишься не о том, Франческа, – вмешалась мама. – Единственное, о чем тебе сейчас стоит думать, – как поскорее поправиться.

Я ответила, что здорова и просто не понимаю, как можно оставить свою дочь в школе, где...

– Давайте прекратим сейчас эту дискуссию, – сказал папа. – Поговорим о чем-нибудь другом.

У меня не было ни малейшего желания говорить о другом. Мне смертельно надоело, что папа всегда решает, о чем можно говорить, а о чем нет, поэтому я закрыла глаза, притворилась, что сплю, и почувствовала, как по всему телу разливается облегчение от того, что мне не надо возвращаться в школу.

Но сперва нам надо было заехать в «Адамсберг» и забрать мои вещи.

– Пойдем со мной, – предложила мама, когда мы остановились на парковке. – По крайней мере, попрощаешься с Сесилией.

Я покачала головой, потому что мне не хотелось прощаться с Сесилией, к тому же я не хотела бы столкнуться с Хенриком Шернбергом или кем-то из его компании. Если бы такое случилось, то я, возможно, устроила бы сцену. Одна из моих многочисленных проблем состоит в том, что я не умею управлять своими импульсами.

Когда мама и папа ушли, я села на переднее сиденье и взглянула на белую громаду главного здания Адамсбергской школы. Во всем этом месте мне чудилось нечто холодное и неприветливое. Невероятно, как долго я здесь выдержала. Пять лет молилась перед каждым приемом пищи и пела идиотские песни о величии школы. Носила их плохо сидящий пиджак с клювастым орлом на груди, пыталась подстроиться, быть хорошим товарищем и все такое, но если быть до конца честной – я ненавидела это место с самой первой минуты.

Вокруг здания школы располагались корпуса: Маюрен, Тальудден, Норра, и еще Хёгсэтер, который стал моим домом с тех пор, как я попала в эту школу. Над входом в мой корпус красовалась надпись «Esse non videri». «Быть, оставаясь невидимым», – пояснил папа в первый раз, когда мы вошли в ворота школы. Он произнес это так, будто слова звучали красиво, а не зловеще.

В Хёгсэтер я переехала в одиннадцать лет, став самой младшей во всей Адамсбергской школе. Мы с Сесилией должны были пойти в шестой, но нам предстояло учиться в параллельных классах и не жить вместе. Это нужно было для того, чтобы мы начали с чистого листа. Нам, девочкам, пора начать с начала – так считала мама. Когда в первый школьный день папа внес мои чемоданы в маленький домик на возвышении, я из последних сил сдерживала слезы. Я не хотела спать в одной комнате с людьми, которых не знала. Нельзя ли мне, по крайней мере, жить в одном общежитии с Сесилией? Но папа лишь погладил меня по голове и заявил, что меня ждет самое интересное время в моей жизни. Это он знает наверняка, потому что так было и у него.

Но я не как папа, не как мама и не как Сесилия. Я чувствовала себя чужой в этом мире, чужой в собственной семье.

«*Опиши их*, – сказал однажды Поль, когда я пожаловалась, что чувствую себя посторонней. – *Опиши свою семью*».

Тогда я выдала ему краткую версию – что моя сестра подлиза, папа лгун, а мама... мама просто бумажная кукла на ветру.

Должно быть, для папы стало большим ударом, что его дочь исключили из той самой школы, о которой он сам говорил как об «основе будущей карьеры». Действительно, в годы учебы в самой престижной школе-интернате Швеции Рикард Мильд времени даром не терял. Его портрет красовался на стене возле столовой в ряду тех учеников, которые окончили школу с лучшими оценками по всем предметам.

На этой старой фотографии папа выглядел совершенно нелепо. Зачесанные на лоб волосы лежали плоско, словно приклеенные, улыбка обнажала кривые зубы.

«Странно, что ему удалось завоевать маму, – сказала как-то Сесилия, когда мы стояли вместе и смотрели на него. – Странно, что с таким лицом он смог жениться на самой красивой девушке Стокгольма».

Я спросила, откуда она знает, что мама была самой красивой девушкой Стокгольма, и Сесилия ответила, что ей папа рассказал.

Я возразила – в том, что касается мамы, папа весьма ненадежный источник информации. Послушать его, так она самое совершенное существо в мире – и в этом он ошибается, потому что любой, кто поговорит с ней более пяти минут, сразу заметит, что у нее довольно много недостатков. Папа, обычно такой проницательный, в этом вопросе совершенно слеп.

Сесилия сказала, что это настоящая любовь – видеть в человеке прекрасное. Когда она выйдет замуж, то обязательно выберет себе мужчину, который будет видеть в ней только самое лучшее.

Тогда я сказала, что если я, вопреки ожиданиям, выйду замуж, то только за человека, который сумеет меня рассмешить и который не спит с другими. Потому что какой смысл в утверждениях, что ты лучше всех на свете, если тебе изменяют?

Сесилия заявила, что я не должна высказываться о том, о чем понятия не имею.

А я напомнила ей о ночных ссорах мамы и папы как раз по этому поводу, когда мы с ней стояли под дверью и слышали, как мама рыдала над тем, что, по словам папы, было ложью. Но я достаточно видела, как папа ест глазами и лапает других женщин, чтобы понять: мамини обвинения не взяты с потолка.

Мама и папа задерживались. Не находя себе места, я вышла из машины. Порывшись в сумочке, отыскала пачку, где оставалась одна сигарета. Упрямо стояла совершенно открыто среди бела дня и курила. Мне даже хотелось, чтобы меня увидел кто-нибудь из третьекурсников или учителей. Как здорово было чувствовать себя недостижимой для их угроз. Меня исключили, я одна. Бояться нечего, хуже уже не будет. Подойдя поближе к дорожке, ведущей на территорию школы, я встала рядом с надписью золотыми буквами на железной табличке, которая соединяла две половинки ворот, и прочла латинские слова (в Адамсбергской школе латынь по-прежнему считали мировым языком): «Non est ad astra mollis e terris via¹». Я уже забыла, что это значит, но помню, когда мне впервые сказали перевод, надпись показалась жутковатой.

Мамы и папы не было видно. Их наверняка задержала лицемерная беседа с кем-нибудь из учителей. Не понимая до конца, зачем я это делаю, я подошла к часовне. Божий дом всегда открыт, так что я шагнула внутрь. Медленно прошла по проходу к тому месту, где мы с Полем всегда сидели во время службы. Опустившись на скамью, я подняла глаза на распятие. Сколько раз я сидела здесь, мысленно блуждая совсем в других местах? Я провела рукой по подставке для псалтыря, на которой Поль вырезал «Бог у...», а дальше не успел, потому что фрёкен Асп остановила его и позаботилась о том, чтобы ему сделали предупреждение. Я порылась в карманах, ища что-нибудь острое. В больнице у меня отобрали все, чем я могла бы причинить себе вред, но при выписке по крайней мере отдали ключи. Достав их, я закончила то, что однажды начал Поль. «Бог умер».

Потом я вернулась к машине.

Через двадцать минут пришли мама и папа с чемоданом.

– Сесилия передавала тебе привет, – сказала мама после того, как попросила меня вылезти и пересест на заднее сиденье.

Я спросила, почему Сесилия сама не пришла к машине, чтобы поприветствовать меня. Мама ответила, что она занята – пишет национальную контрольную по английскому.

Я сказала, что национальные контрольные пишут в весеннем семестре.

¹ Не прост путь, ведущий от Земли к звездам (лат.).

Мама вздохнула и ответила, что в таком случае она что-то недопоняла. Как бы то ни было, это не имеет значения, раз я все равно не разговариваю с сестрой. Не очень-то приятно разговаривать с человеком, который делает вид, что тебя нет.

Мне хотелось сказать, что я буду говорить с ней, когда она поверит мне – своей сестре, а не своему дебильному бойфренду, но поняла, что это бессмысленно. Мама и папа всегда доверяли версии Сесилии. Со мной же они словно исходили из того, что я лгу, пока не будет доказано обратное. Они этого и не скрывали и объясняли это тем, что я сама виновата – потому что я так часто вру. Однако с таким же успехом можно сказать, что мое поведение – результат того, что мне никогда не верили. Как любит говорить папа, трудно понять, что было сначала – яйцо или курица.

– Вот это лежало в ящике твоего письменного стола, – сказала мама и протянула мне конверт.

Я взяла его и увидела свое имя, написанное красивым, причудливым почерком Поля. Это совершенно сбило меня с толку. Значит, он все же написал прощальное письмо?

– Это *от него*? – спросила мама.

Я кивнула.

– Так разве ты его не откроешь?

– Потом, – ответила я.

4

Вскоре после пяти в дверь Чарли постучали. Андерс поинтересовался, скоро ли она закончит. Прошло несколько секунд, прежде чем она вспомнила, что они собирались куда-то пойти.

– Тебя отпустили? – не удержалась Чарли.

Строго говоря, она не верила, что все получится. Вообще-то ей больше всего хотелось бы остаться на работе, сидеть в кабинете, пока за окнами на город спускается тьма, и пытаться найти что-нибудь новое в материалах следствия. Однако из опыта она знала, что новые подходы и мысли чаще приходили тогда, когда она позволяла себе взять передышку и подумать о чем-то другом.

– Я все же не крепостной, – ответил Андерс, и Чарли с трудом устояла перед соблазном сказать, что, по ее мнению, его положение мало чем отличается от положения крепостного.

– Куда пойдем – по твоим любимым местам или по моим?

Андерс сделал вид, что не понял, на что она намекает, но просиял, когда она предложила «Риш».

«Риш» уже заполнился гулом голосов, хотя еще не было шести. Вскоре Андерс нашел официанта, и им удалось заполучить маленький столик в глубине зала.

– Ты ведь наверняка проголодалась?

Она кивнула.

– Что закажем?

– Возьми что-нибудь, – ответила Чарли. – Я такая голодная, что не в состоянии читать меню и выбирать.

Андерс посмотрел на официанта, и тот быстро подошел к их столу. Андерс заказал два карпаччо из говядины и два бокала вина, название которого Чарли не успела разобрать. Потом повернулся к ней и спросил, не предпочтет ли она другое вино. Она покачала головой, сказав, что полностью полагается на него. Ее мало интересовали различия между сортами вина. Неужели они так давно никуда не ходили, что Андерс даже не помнит – она не различает нюансов. Кстати, она вообще предпочитала пиво, но решила не напоминать об этом.

Тут у Андерса в телефоне звякнуло. Он достал его и улыбнулся.

– Что там? – спросила Чарли.

– Это Сэм, – ответил Андерс. Повернув к ней телефон, он показал небольшой отрывок видео, где его сын со слюнями на маленьком подбородке сидит на коврик на полу. – Он сидит без опоры.

– Надо же, как рано, – проговорила Чарли, хотя понятия не имела, рано это или нет. В стадиях развития младенцев она мало разбиралась.

– Да нет, все по возрасту, – сказал Андерс. – Но для нас это все равно чудо.

Он снова нажал на «Воспроизведение». Чарли попыталась скрыть свою скуку, взяв у него из рук телефон и еще раз внимательно просмотрев отрывок.

– Хорошенький, – сказала она, возвращая телефон.

– Боже, до чего я проголодался! – воскликнул Андерс. – Наверное, это от недосыпа – я все время жую.

– У меня то же самое, – откликнулась Чарли. – Постоянно ем, когда у меня недосып.

– А у тебя тоже недосып?

– Ну да.

– А что мешает тебе спать?

– Даже не знаю. Мысли всякие в голове крутятся.

– Какие мысли?

– Ну, мы ведь расследуем довольно жуткое дело, например.

– И ничего другого?

Зачем она завела этот разговор? Ведь знала же: Андерс начнет задавать вопросы. Его всегда интересовало, что она за человек и какие чувства испытывает, но после выезда по работе в Гюльспонг он буквально засыпал ее вопросами о ее происхождении и самочувствии. Она не знала, что им руководит – забота или любопытство, либо же и то, и другое.

– Обычная бессонница, – ответила она. – Заколдованный круг, знаешь ли. Я думаю о том, что надо спать, и поэтому не могу заснуть, и так далее... в общем, сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Андерс. – Наверное, потому ты такая притихшая. В смысле – из-за недосыпа.

– Я в порядке.

– Ты вовсе не в порядке, Лагер. Ты не в порядке с тех пор, как мы вернулись из Вестергётланда, да и до того ты, кстати, была не очень. Как подумаю – начинаю сомневаться, что ты когда-либо была в порядке.

Чарли почувствовала, как ее охватывает раздражение. Среди всех коллег она, без сомнений, чувствовала себя комфортнее всего с Андерсом. Несмотря на очень разный образ жизни и историю, они прекрасно спелись. Редко придерживались одного мнения, часто спорили, но еще чаще смеялись. Однако теперь что-то изменилось. Она не забыла, как он заложил ее начальнику после прокола в Гюльспонге. Вероятно, она бы на его месте поступила в точности так же, однако все это оставило след на душе.

– Я хожу к психотерапевту, – сухо ответила она. – Стараюсь разобраться в себе.

– Что произошло? – спросил Андерс. Положив на стол приборы, он внимательно смотрел на нее. – Что произошло летом в Гюльспонге?

– Что произошло? – Чарли уставилась на него. – Пропавшая семнадцатилетняя девушка была в конце концов обнаружена мертвой у заслонок дамбы. Ее звали Аннабель Роос. Мне казалось, ты тоже был там.

– Там произошло еще много всякого, – сказал Андерс. – Думаешь, я не догадываюсь? Ты была просто не в себе.

Принесли еду. Только увидев свое блюдо, Чарли поняла, насколько же она голодна. Она положила в рот кусочек мяса, добавила руколы и семян пинии. Вкус божественный.

– Здорово, что мы можем снова пойти поесть после работы, – сказала она. – Что ты снова в строю.

– Я не в строю, – ответил Андерс.

– Почему?

Андерс добавил в свою еду оливковое масло, морскую соль и перец.

– С Марией все сложно. Мне кажется, у нас настал первый серьезный кризис.

Чарли положила приборы.

– В каком смысле – кризис?

В ее понимании отношения Андерса и Марии представляли собой постоянный кризис.

– Спорим и ссоримся по любому поводу, – вздохнул Андерс. – А на днях она заявила, что не уверена в своих чувствах ко мне. Ясное дело, сказала она это со злости, но все равно. Все не могу забыть эти слова. «И что – и все? – сказала она. – И что, до конца жизни все так и будет?» Словно она живет в аду.

– Может быть, вам лучше взять паузу, – предложила Чарли. – Побывать врозь, перевести дух, подумать и...

– Я этого не хочу. Вовсе не хочу быть с ней врозь.

– Понимаю, – проговорила Чарли, хотя на самом деле не понимала. Они с Марией встречались всего несколько раз и с самого начала почувствовали друг к другу взаимную антипатию. Ситуация еще усугубилась, когда Мария узнала об отношениях Чарли с Хенриком. Судя по всему, она знакома с женой Хенрика. Когда об их интрижке стало известно, Мария запретила Андерсу работать один на один с Чарли – и даже тогда он не протестовал. Вместо этого он стал скрывать, что они работают в паре. Просто трудно себе представить, как можно жить с таким человеком, как Мария.

– Она несчастна, – продолжал Андерс. – Не счастлива.

– А ты счастлив?

– Да, думаю, что да. То есть – ясное дело, я не прыгаю до потолка от счастья каждую минуту... Просто для меня развод не вариант.

– Почему?

– Потому что в моем мире – я имею в виду, из которого происходим мы с Марией, это... это просто-напросто значит потерпеть неудачу.

«А в том мире, из которого происхожу я, потерпеть неудачу – это прогнуться перед другим человеком и не уметь постоять за себя», – подумала Чарли.

Пожалуй, тем, кто родился и вырос на солнечной стороне жизни, тоже не всегда легко.

– Но ты, наверное, все же права, – проговорил Андерс. – Нам нужно личное время. Просто я боюсь, что мы в результате придем к выводу, что ничего не получается, и в конце концов расстанемся. А одиночество... меня оно пугает.

– А что в нем такого страшного? – спросила Чарли.

– Вопрос скорее в том, почему оно не пугает тебя.

– А я и не утверждала, что оно меня не пугает. Просто единение – наигранное единение, когда думаешь, что принадлежишь одному-единственному человеку, вера в то, что можно обрести иммунитет от одиночества за счет обещаний, колец, детей, – оно пугает меня еще больше.

– Но это делает тебя счастливой? – спросил Андерс.

Чарли подумала, что он иронизирует.

– А что ты имеешь в виду под этим словом?

– Просто счастливой, – настаивал Андерс.

– Все по-разному понимают счастье.

– А ты?

– Не знаю, – ответила Чарли. – Когда под счастьем понимают то самое головокружительное опьяняющее чувство, то мне кажется, что в таком состоянии человек не может пробыть долго. Для меня счастье – это когда я могу избавиться от тревоги. Думаю, я умею ценить это чувство больше, чем кто бы то ни было. Жить без страха – это для меня и есть счастье.

– Как ужасно звучит!

– А что в этом ужасного?

– Ну, что счастье – это просто когда нет страха. Ты рассуждаешь как довольно несчастный человек.

«А ты рассуждаешь как человек, никогда не испытывавший настоящего страха», – подумала Чарли.

Они заказали бутылку того вина, которое им поначалу принесли в бокалах. Зазвонил телефон Андерса. Наверняка Мария. Он отключил звук.

– Не то, чтобы она не знала, что я пошел поужинать, – произнес он. – Просто мне надоело врать, что я не с тобой. Пошлю эсэмэску – спрошу, все ли в порядке с Сэмом.

«Поступай как знаешь», – подумала Чарли.

– Не смотри вправо, – сказал Андерс, – но в баре сидит парень, который не сводит с тебя глаз.

Чарли немедленно повернулась вправо, и парень за барной стойкой встретился с ней глазами. Она тут же узнала его. Юхан Ру.

«Нет, – подумала она. – Только не сейчас».

Провалы во времени

– Ты когда-нибудь видел мертвого человека? – спрашиваю я Поля, когда он рассказывает, что его папа держит бюро ритуальных услуг. Мы знакомы лишь пару недель, но уже с первого дня я поняла, что он не такой, как все.

– Само собой, – отвечает Польш. – Я их видел больше сотни, наверное. В каникулы мы с братом помогаем папе.

– Очень увлекательная работа, – замечая я.

– Большинство людей считают, что это отвратительно. Люди живут так, словно смерти нет. Не хотят о ней думать.

– А я каждый день думаю о смерти, – говорю я. – Кажется, только этим и занимаюсь с тех пор, как научилась абстрактно мыслить.

– Но ты-то не такая, как большинство людей, – отвечает Польш и улыбается.

Я прошу его рассказать подробнее, что он делает на работе. Он что... прикасается к мертвецам?

Польш кивает. Он приводит их в порядок перед тем, как их положат в гроб, – причесывает волосы, надевает одежду, которую выбрали родственники, и аккуратно складывает руки на груди.

– А меня ты мог бы привести в порядок? – спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду?

– В смысле – как мертвую.

– Зачем?

– Не знаю. Просто любопытно.

– Конечно, – отвечает Польш, – конечно, я мог бы это сделать, но это было бы странно.

– Какие они?

– Что ты имеешь в виду?

– Трупы. Как они выглядят? Какое от них ощущение?

– По крайней мере, большинство совсем не похожи на спящих, – говорит Поль. – Они застывшие, холодные, в трупных пятнах и выглядят мертвыми. Но прежде всего замечаешь запах.

Я прошу его описать, но Поль качает головой и говорит, что это невозможно. Запах... неопишуемый. Если почувствовал его один раз, то уже никогда не забудешь. Иногда в жаркие летние дни ему кажется, что весь дом пропах этим запахом.

– А черви, которые едят трупы, – откуда они берутся? – спрашиваю я. – Не понимаю, как они возникают просто из ничего.

– А они и не возникают из ничего, – отвечает Поль с улыбкой. – Мертвое тело привлекает к себе мух, которые откладывают яйца. А из этих яиц вылупляются личинки.

– Я почему-то всегда думала, что они берутся из ниоткуда.

– Ничто не берется из ниоткуда.

5

Чарли отпила глоток вина.

– Кто это? – спросил Андерс.

– Ты что, не видишь? – ответила вопросом на вопрос Чарли. – Перестань так пялиться!

– Что-то знакомое, – проговорил Андерс. – Но у меня плохая память на лица – а я должен его знать?

– Юхан Ру, – сказала Чарли. – Журналист, с которым мы общались этим летом.

Андерс просиял.

– А, точно, теперь вспомнил.

Чарли невольно задело, что он так обрадовался. Неужели он забыл, чем закончилось это знакомство?

– Из-за него меня отстранили от работы.

– Если уж быть до конца честными, то ты сама была виновата, – сказал Андерс. – Подозреваю, что он не принуждал тебя к близкому общению и не просил дать информацию о ходе следствия.

Чарли и забыла, как петушится Андерс, когда выпьет.

– Никакой информации о ходе следствия я ему и не давала, – сказала Чарли.

– И тем не менее она появилась в газете на следующий день, – усмехнулся Андерс. – Разве не ты говорила, что не веришь в случайные совпадения?

– Ясное дело, я верю в случайные совпадения.

– Почему ты сердишься? Я думал, ты уже оставила все это позади.

– Андерс, – проговорила Чарли, подаваясь вперед. – Я ни слова не сказала ему о расследовании.

– Откуда же тогда он добыл информацию? – Андерс продолжал улыбаться, словно они беседовали о чем-то веселом. – Может быть, спросим у него? – сказал он и поднялся.

– Прекрати, черт подери, – прошипела Чарли. – Сядь на место!

– Спокойно. Я просто собирался сходить в туалет. А тебе, может быть, стоит подойти и поздороваться.

– С какой стати?

– А почему бы и нет? Он явно хочет вступить в контакт. В данный момент он сидит и разглядывает твой профиль в зеркале позади стойки.

«Не подходи ко мне, – подумала Чарли, когда Андерс удалился. – Не подходи и не вороши то, что прошло».

Но Юхан уже направлялся к ней.

– Привет, – сказал он. – Я так и подумал, что это ты.

– Привет, – Чарли попыталась изобразить радостное удивление. – Приятно тебя видеть. Как дела? Все хорошо?

– Все в порядке, – ответил Юхан и улыбнулся. – А у тебя?

Чарли подумала, что ей удалось вытеснить воспоминания о том, как действовала на нее эта улыбка.

– Прекрасно, – ответила она.

– Я звонил тебе.

– Правда? – произнесла Чарли, и сама устыдилась тому, как фальшиво это прозвучало.

Поначалу она обрадовалась и собиралась перезвонить ему, но потом не стала этого делать. Так она поступила из чистого инстинкта самосохранения: после возвращения из Гюльспонга она менее всего хотела видеть человека, который напоминал бы ей обо всем, что произошло там, – того, кто так хорошо знал историю ее семьи. Юхан, потерянный сын Маттиаса.

– Да, я звонил несколько раз и даже оставлял тебе сообщение, но я понял намек, когда ты не перезвонила.

– Так много всего навалилось, я...

– Ничего страшного, – прервал ее Юхан. – Я понимаю.

Что-то в его глазах сказало ей, что он действительно все понимает. Чарли вспомнила, что говорила Бетти о его отце, Маттиасе: *«Он – единственный человек, который знает обо мне все, но все равно меня любит»*.

Возможно ли, чтобы Юхан так же хорошо понимал пропащие души, как и его отец? И тут же, в следующую секунду, она подумала, что это точно нельзя воспринимать как данность. Может быть, Юхан и в курсе ее тайн, но он не понимает ее. Они друг друга не знают – и пусть так и останется, так будет лучше.

– Может, присядешь ненадолго? – спросила Чарли. Откуда взялись эти слова? Но было уже поздно.

Вернувшись к столу, Андерс весело приветствовал Юхана. Теперь Чарли заметила, что коллега довольно пьян.

– Я там повстречал бывшую одноклассницу, – сказал Андерс. – Она хочет, чтобы мы с ней выпили в баре. Если не возражаешь, я...

– Конечно, – кивнула Чарли. – Я все равно скоро собиралась уходить.

Андерс исчез, они с Юханом остались одни.

– Хочешь вина? – спросила Чарли.

Юхан кивнул. Она наполнила бокал Андерса и протянула ему. Некоторое время они сидели молча и оглядывали зал. В баре Чарли заметила Андерса и его одноклассницу. Они разговаривали, сидя голова к голове. «Наверное, из-за громкой музыки», – подумала Чарли, ибо Андерс не из тех, кто будет физически сближаться с женщиной, на которой не женат. Или он как раз из таких? Если жизнь ее чему-то и научила, так это тому, что постичь другого человека невозможно – даже те, кого считаешь самыми простыми и предсказуемыми, порой откалывают номера, совершенно противоречащие их природе. Сама она воображала, что ей удастся управлять своими чувствами – однако это оказалось очень далеко от истины. Вот как сейчас, например, – она сидит с мужчиной, с которым разум велит ей быстро и вежливо попрощаться, но вместо этого она подняла бокал, глядя на Юхана, и сказала, что рада его видеть – что она много думала о нем после той встречи.

– Правда? – спросил Юхан и снова улыбнулся.

– А почему бы нет? Ведь не каждый день находится потерянный брат.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты воспринимала меня как брата.

– Почему?

Чарли почувствовала, как в груди разлилось тепло, когда Юхан заявил, что летом они испытывали друг к другу не совсем братские чувства.

– А что тогда? – спросила Чарли, ставя бокал на стол. Учитывая, что язык уже перестает повиноваться, с питьем пора завязывать.

– Твоя версия? – спросил Юхан.

– Похоть? – Чарли вновь потянулась за бокалом. – Временное умопомрачение? Брошенные отпрыски двух сумасшедших, ищущие утешения в объятиях друг друга?

– А может быть, просто двое взрослых людей, не связанных узами родства, и сила притяжения? – предложил Юхан.

– Звучит, конечно, куда приятнее.

Чарли отхлебнула еще глоток вина. Снова подумала о статье – о пропавшей девочке-подростке, которую никак не могла выкинуть из головы.

– Кстати, я тут прочла твою статью, – сказала она. – Ту, где ты пишешь о Франческе Мильд. Тебе что-нибудь еще известно – я имею в виду, кроме того, что ты написал?

– Нет, практически все сказано в статье. Трудно заставить народ говорить о Франческе Мильд. Создается впечатление, что они чего-то опасаются. А что?

Чарли пожала плечами.

– Мне кажется очень странным, что ни один человек в Гюльспонге не упомянул о ней. В смысле – когда мы искали Аннабель. Казалось бы, что может быть естественнее – упомянуть, что раньше в этих местах пропала еще одна девушка?

– Да, мне тоже так кажется, однако это было давно – возможно, народ забыл.

– В маленьких городках народ ничего не забывает, поверь мне.

Чарли снова увидела перед собой фотографию Франчески – ученицы престижной школы-интерната, которая стоит, сложив руки на груди, с бунтарским выражением на лице.

Они допили вино. Андерс по-прежнему сидел в баре со своей одноклассницей.

– Пойдем? – спросила Чарли.

– Куда?

– Ко мне домой.

«Опять за старое, – подумала Чарли, когда они, взяв куртки, вышли из «Риша». – Неужели жизнь – лишь сплошная череда повторений?»

6

Юхан оглядел гостиную. Чарли проследила, куда направлен его взгляд – на стопки книг на полу и подоконниках.

Она подумала, что это – одна из причин, почему она предпочитает пойти домой к другим, а не к себе. Ей не нравится, когда ее изучают, когда кто-то оглядывает ее дом и оценивает ее, исходя из этого.

– Почему у тебя нет полок для книг? – спросил Юхан.

– Потому что здесь цементные стены, – ответила Чарли. – Все, что на них вешаешь, падает на пол.

– Можно же забить дюбели.

– Может быть, но у меня нет сил этим заниматься.

– Такое ощущение, что ты только что переехала сюда.

– Вовсе нет. Просто меня мало интересует покупка вещей и обустройство дома, – ответила Чарли, направляясь в кухню. – Пошли.

Юхан указал на кормушку, оставшуюся после Лиллит.

– У тебя есть кошка? – спросил он.

– Была, – ответила Чарли. – Летом я привезла с собой потомственную дикую кошку из Люккебу.

– Что с ней произошло?

– Она умерла.

– Сбила машина?

– Нет, я ее не выпускала – боялась, что она не освоится в городской среде. Она заболела.

Чарли вспомнила, как в первые недели кошка, казалось, чувствовала себя прекрасно. Ее обработали от паразитов, шерстка стала шелковистая, пропали контуры ребер, но потом она вдруг перестала есть.

Чарли прекратила давать ей сухой корм и стала покупать дорожные упаковки с самой роскошной кошачьей едой. Видя, что это не помогает, она повезла ее к ветеринару, который констатировал: положение серьезное, кошка умирает. Чарли разрыдалась, стала обвинять себя. Она вырвала животное из привычной среды обитания. Во всем ее вина. Ветеринар сказал, что все совсем не так, но если она желает кошке добра, то самое лучшее, что она может сделать, – это усыпить ее.

Чарли умоляла его попытаться спасти кошку. Деньги роли не играют, ничтожность шансов на удачу тоже. «Спасите ее, – сказала она, даже не скрывая своего отчаяния. – Сделайте все, что в ваших силах». Но ветеринар ответил, что это только продлило бы мучения, и в конце концов Чарли сдалась и позволила ему всадить в Лиллит шприц. Она сидела, держа на руках теплое тельце. Перед тем, как в последний раз закрыть глаза, кошка посмотрела на Чарли грустным взглядом, словно хотела сказать: «Спасибо. Спасибо, что ты, по крайней мере, попыталась».

Она взглянула на Юхана.

– Что ты будешь пить? – спросила она.

– Может быть, чай?

– Черный, белый, красный или травяной, который я сама засушила?

– Ты шутишь, да?

– Да.

– И я пошутил. Когда сказал, что хочу чаю. Так что у тебя найдется? Виски?

– Закончилось. Но есть пиво.

Юхан рассмеялся, когда она открыла холодильник.

– Прости, – проговорил он, когда она бросила на него вопросительный взгляд. – Просто ожидаешь, что холодильник у женщины выглядит немного по-другому. Я забыл, что ты такая... непредсказуемая.

Чарли улыбнулась этому слову, которое впервые услышала от него еще летом. Протянула Юхану бутылку, вторую взяла себе. Они пошли и сели в гостиной.

– Франческа Мильд, – сказала Чарли. – С чего тебе пришло в голову написать о ней?

– Это было летом, когда я вернулся из Гюльспонга, – ответил Юхан. – Я думал, что достигну внутренней гармонии, увидев Люккебу, побывав в том месте, где исчез папа, поговорив с тобой о нем, но оказалось, что мне хочется узнать еще больше. Я буквально не находил себе места.

– Добро пожаловать в мой мир.

– А ты сама почему этим заинтересовалась?

– Место, – ответила Чарли. – И вообще...

– А именно?

– Наверное, из-за дела об исчезновении Аннабель – выходит, в Гюльспонге уже однажды пропадала девушка того же возраста.

– Но это было почти тридцать лет назад, – проговорил Юхан.

– И тем не менее.

Чарли отхлебнула большой глоток пива и подумала: есть что-то еще, из-за чего Франческа Мильд не идет у нее из головы. Однако в голове бродили лишь какие-то смутные образы, который никак не удавалось назвать словами.

– Как бы то ни было, я наткнулся на дело об исчезновении Франчески и начал копаться в нем, – продолжал Юхан. – Это оказалось непросто – в Сети почти ничего нет. Мне становилось все более любопытно. Чем труднее добыть информацию, тем важнее это казалось. Когда я связался со школой-интернатом, где она училась, чтобы получить данные о ее одноклассниках, там не очень-то хотели идти мне навстречу. Вероятно, речь идет о репутации школы – и тем не менее, это довольно странно.

Чарли кивнула. От этого простого движения у нее закружилась голова. Она попыталась сосредоточить взгляд на корешках книг, лежавших в стопке у другой стены, но все сливалось. Фокус сбился.

– А когда мне удалось связаться с теми, кто учился в школе в то время, никто из них не пожелал разговаривать со мной.

– Ты удивлен? – спросила Чарли. – Разве ты не читал про культуру молчания, принятую в таких местах?

– Само собой, читал. Однако все это было так давно. Я и не подозревал, что это до сих пор такая щекотливая тема.

– Их натаскивали поколениями.

– Ужас, как много ты знаешь об учениках школ-интернатов, – проговорил Юхан с улыбкой.

– От Гюльспонга до Адамсберга всего несколько миль. Они иногда приезжали к нам в поселок, ученики эти, и... смеялись.

Чарли вспомнила, как они ходили группками – в дорогой одежде, спрашивая необычные товары в магазинах и закатывая глаза, когда их пожелания не могли быть исполнены.

– Смеялись? – удивился Юхан. – Чему?

– Я не спрашивала. Вероятно, всему тому, чего у нас не было – или тому, что у нас было. Они называли нас...

– Как?

– Не могу вспомнить. Правда забыла, но звучало это очень уничижительно.

– Большая смелость с их стороны, – отметил Юхан.

– Ходить толпой и смеяться над подростками, которым повезло в жизни меньше, чем им самим?

– Я бы не решился смеяться над тобой.

– Вопрос скорее в том, захотелось ли бы тебе смеяться. К тому же в те времена я не была такой крутой.

– Уверен, что была.

Чарли открыла рот, чтобы сказать ему, насколько он ошибается, но в ту же секунду Юхан потянулся к ней и поцеловал.

– Подожди, – пробормотала она.

– Прости, – Юхан отодвинулся. – Я подумал, что ты этого хочешь.

– Хочу, – проговорила она. Теперь она приблизилась к нему. – Просто я хотела сперва...

– Что? – спросил Юхан.

– Ничего, – ответила она и поцеловала его.

Когда все закончилось, Юхан довольно быстро начал одеваться. От того, что только что произошло между ними, Чарли чувствовала себя немного ошарашенной. Они так жадно вцепились друг в друга, словно телесное единение – единственный способ выжить. Однако теперь он засобиравшись уходил.

– Мне завтра рано вставать, – сказал Юхан.

– Конечно, – ответила Чарли.

«Что со мной такое? – подумала она. – Я же терпеть не могу спать вместе. Просто повезло, что не надо его выставить». Однако она ощутила разочарование, когда Юхан наклонился и мягко поцеловал ее в губы.

– Я пошел с тобой не ради этого, – сказал он.

– А ради чего? – спросила Чарли. Взяв плед, лежавший на диване, она натянула его на свое обнаженное тело.

– Потому что хотел поговорить с тобой.

Чарли рассмеялась.

– Я серьезно.

– Прости, просто это прозвучало немного высокопарно. Мне тоже нравится разговаривать с тобой.

Заснув, Чарли увидела во сне Бетти. Руки Бетти заплетают ей косички – такие тугие, что даже больно. Бетти красится ярко-красной помадой, наклоняется и прикладывает щеку к щеке Чарли. Их глаза встречаются в зеркале.

«Мы с тобой такие нарядные, правда?»

А потом – аллея, бледное лицо Бетти в свете луны, плотный туман у их ног. Они на земле или на небе?

– Мам, мы куда?

– К знакомому.

– К какому знакомому?

Нет ответа.

Чарли проснулась от того, что на журнальном столике завибрировал телефон.

На дисплее всплыло имя: «Сюзанна».

– Сюзанна? – воскликнула Чарли и откашлялась, когда ее заспанный голос поначалу не слушался. – Как дела?

– Все к черту.

– Что случилось?

– Две вещи, – ответила Сюзанна. – Исак съехал, и мама снова запила.

– О боже! – выдохнула Чарли.

– Знаю, нельзя звонить в такое время, но я буквально схожу с ума, – прошептала Сюзанна. – Я просто повешусь, Чарли.

– Ты все преодолеешь.

– Не уверена.

– Хочешь, я приеду к тебе?

Последовала краткая тишина.

– А ты можешь?

– Как только закончится следствие, которым я сейчас занимаюсь.

Положив трубку, Чарли уже не смогла заснуть. Она долго лежала без сна, глядя в потолок и думая о Сюзанне, о вечеринках в Люккебу, которые они пережили вместе: смех, крики, пьяные ссоры, родители, превратившиеся в детей. *«Чарли, мы с тобой тут единственные взрослые».*

Потом ей вспомнился сон: Бетти, лунный свет, деревья вдоль дороги, аллея. Все казалось странно знакомым. Прошло еще несколько минут, прежде чем мозг сложил одно с другим. Она поднялась, принесла из кухни компьютер и нашла статью о пропавшей Франческе с фотографией, снятой в семейном поместье. Гудхаммар.

«Остатки впечатлений дня», – подумала Чарли. Насколько она помнила из различных теорий о толковании снов, мозг во сне составлял из впечатлений дня целостную картину. Она не верила в то, что сны – потайная дверь в психику, что они несут в себе посыл или выражают вытесненные мысли и страхи. Она смотрела на этот снимок, думала о Бетти, а потом во сне все это соединились воедино.

Отложив компьютер, она попыталась заснуть. Сон не шел. В конце концов она сдалась, встала и начала бродить по квартире. «Просто похожу немного, – думала она. – Мне не нужны транквилизаторы, чтобы заснуть, к тому же я выпила и... – на этом месте она обнаружила, что стоит в ванной, держа в руках две таблетки стесоида. «Только сегодня приму, – подумала она, – а потом брошу это дело».

Во сне Бетти снова возвращается. Она сидит за своим макияжным столиком в Люккебу. Окно спальни открыто, летний ветерок развеивает тонкую кружевную занавеску... *«Иди сюда, моя дорогая. Помоги мне застегнуть платье»*. Бетти поднимает волосы, и Чарли пересекает комнату. И тут она замирает – спина у Бетти полая, словно старое дерево.

«Что такое?» – Бетти склоняет голову набок и грустно смотрит на ее отражение в зеркале. – *«Что тебе не нравится?»*

Франческа

Гудхаммар. Мама всегда говорила, что заболевает от этого места, но меня не угнетало, что усадьба расположена в таком уединенном уголке, за пределами поселка. Мне нравилось, что можно смотреть далеко-далеко и видеть только поля, леса и воду. Мне нравился и маленький торговый центр в поселке. Мама и Сесилия всегда жаловались, что там ничего нет. Они считали странным, что кто-то может добровольно поселиться в такой забытой богом дыре. Жителей поселка они также сторонились. Сесилия обычно хихикала по поводу них – из-за их неуклюжего поведения. Потому что они здоровались с нами, хотя не знали нас. Все это вместе с чудовищным диалектом смешило ее настолько, что она не могла сдержаться. Мне же казалось, что диалект тут какой-то добродушный, и меня радовало, когда незнакомые люди здоровались со мной. В продуктовом магазине «Ика» я обычно перекидывалась парой словечек с женщинами и покупала лотерейные билеты у странного человека, сидевшего у входа.

Папе не нравилось, что я разговариваю с людьми, которых не знаю. Такое поместье, как Гудхаммар, и капитал, которым наша семья владела на протяжении многих поколений, притягивают к себе сумасшедших, говорил он.

Папа свернул на аллею. Когда мы проезжали домик привратника, я словно бы ожидала увидеть там старика Вильгельма, сидящего при свете керосиновой лампы. Однако Вильгельм умер три года назад, и, хотя он был стар и болен, у меня это известие вызвало шок. Вильгельм существовал всегда – сколько часов я провела с ним, сидя за столом на кухне в домике привратника, где мы с ним играли в карты! Я обожала слушать его рассказы о том, что происходило в усадьбе в прежние времена, когда еще живы были бабушка с дедушкой и держали в хлеве скотину. И хотя я сама не жила в те времена, мне казалось, что я скучаю по ним. Сын Вильгельма Иван работал у нас, когда у папы не было сил следить за хозяйством, однако теперь он уволился. Меня это устраивало – Иван совсем не походил на своего отца. На лице у него застыло неприятное выражение горечи – в его присутствии мне становилось как-то не по себе.

– Рододендроны на месте, – сказала мама, указывая на грядку у северного флигеля. – Я же сказала Адаму убрать их.

– А я велел ему их оставить, – сказал папа.

– Зачем?

– Я хотел, чтобы они остались.

Они стали спорить по поводу судьбы рододендронов. Папа считал, что цветы красивые, но мама с ним не соглашалась. Ей не нравится их цвет, и к тому же все завянет через пару недель.

Я громко вздохнула и подумала, что я – к счастью или к несчастью – никогда не стану человеком, которого может так занимать куст.

– Что это? – спросила я, когда папа подъехал к парадной лестнице.

– Львы, – ответила мама. – Разве ты не видишь?

– Меня больше интересовало, что они делают перед лестницей.

– Приветствуют нас.

Мама рассказала, как купила их на аукционе в Швейцарии: что каждый весил больше ста килограммов, что ей пришлось нанять специализированную фирму, чтобы доставить их. Мне показалось, что лев – не особенно приветливое животное, однако мама очень обижалась, когда критиковали ее покупки, поэтому я подошла к одному из львов, засунула руку в его раскрытую пасть и сказала, что материал действительно изысканный и приятный на ощупь.

– Адам! – окликнула мама тень в саду. – Как хорошо, что ты здесь.

Я посмотрела на Адама, которого папа называл «мальчик-садовник», и испытала те же чувства, что и мама. Ибо Адам был из тех, кто умеет разрядить напряженную обстановку. Сесилии он тоже нравился – в этом она призналась однажды вечером, увидев его на купальных мостках в одних плавках. Однако он не мог ее всерьез заинтересовать. Из-за своей простоты – он недостаточно глубок. Когда она это сказала, я расхохоталась, ибо все парни, которые нравятся Сесилии, имеют одну общую черту: глубины в них как в луже. Адам, по крайней мере, не важничал и умел меня иногда рассмешить. О большинстве парней этого сказать нельзя.

– Привет, Франческа, – произнес Адам и улыбнулся.

– Приветствую тебя, – ответила я и задумалась: насколько он осведомлен о событиях последних недель?

Мама и папа никогда не обсуждали с персоналом личные дела, однако он не мог не догадаться, что что-то случилось, раз мы приехали в разгар семестра, к тому же у меня остался пластырь на тыльной стороне ладони – там, где мне ставили капельницу.

– Я разжег камин, – Адам кивнул в сторону дома.

– Ты использовал все дрова? – спросил папа.

Адам покачал головой. Он вообще не использовал ни одного полена для розжига.

– Мне нужно поговорить с тобой, Адам, – сказала мама. – О рододендронах. Может быть, завтра?

Первое, что бросается в глаза, когдаходишь в прихожую в Гудхаммаре, – это вышивка в рамке, которую сделала мама моей бабушки. Причудливые изящные буквы, окруженные бабочками и ландышами.

Хорошее и злое – все из тебя растет, любая мысль в твоей душе берет начало.

От этих слов я всегда начинала чувствовать себя плохим человеком. Ко мне вернулись мои обычные мысли. «Я чужая. Я инородное тело в этой семье».

Запершись в туалете, я достала письмо от Поля. Если это его прощальное письмо, то я ожидала красивых слов или попытки объясниться или хотя бы извинений за то, что он бросил меня в таком месте, где мне без него совершенно невыносимо. Прежде всего мне хотелось знать, почему он не взял меня с собой. Однако ничего такого в коротеньком тексте не содержалось.

«Бельман и русский отправились в экспедицию в джунгли. Их поймали каннибалы и засунули в котел с кипящей водой. Внезапно Бельман принялся хохотать.

– Что тут такого смешного? – спросил русский. – Нас тут пытаются сварить живьем, а ты веселишься.

– Да, – ответил Бельман. – А я им в суп помочился».

Мама и папа сидели в салоне. В животе у меня было пусто, и я вышла в кухню. На доске для записок рядом с холодильником висела бумажка с номерами телефонов всех, кто помогал нам в Гудхаммаре. Не меньше пятидесяти имен – некоторые зачеркнуты и заменены новыми. Почему мы ничего не можем сделать сами, даже когда приехали сюда? Почему мы не в состоянии почистить водосточный желоб, разморозить холодильник или смазать воском садовую мебель, как делают все обычные люди? Если когда-нибудь меня обвинят в отрыве от реальности, я все это припомню. Прежде чем подняться в свою комнату, я сорвала бумажку, скомкала ее и выкинула в помойку.

Комната на северной стороне стала моей с тех пор, как мы с Сесилией перебрались из большой детской рядом с маминной и папиной спальней. Нам обеим приглянулась комната на южной стороне, поэтому, чтобы все вышло по-честному, нам пришлось тянуть жребий из папиной руки. Само собой, длинную соломинку вытянула Сесилия. Когда я потребовала, чтобы мы переиграли, потому что все было сделано не по правилам, папа рассмеялся и заявил мне, что я просто не умею проигрывать. К тому же что за важность – ведь комнаты почти одинаковые. Единственное, что их отличает, это балкон.

Я возмутилась и сказала, что есть и еще кое-что: гардеробная, в которую можно зайти целиком, шиповник на фасаде, солнечный свет и прекрасный вид на воду. Я мечтала сидеть на этом самом балконе летними вечерами, смотреть, как солнце садится за озером и туман растекается над водой. В комнате на северной стороне вид закрывал огромный дуб. Но на этот раз Сесилия вытащила длинную соломинку. Ей повезло больше, чем мне. Все по справедливости.

Поставив чемоданы, я зашла в комнату Сесилии. Долгое время я стояла посреди комнаты и смотрела вокруг. Потом подошла к идеально убранной кровати и перевернула ее. Под подушкой лежала одна из ее шелковистых ночных рубашек. Я скинула с себя одежду, надела ночную рубашку и оглядела себя в большое зеркало в ногах кровати. Бледная, с повязками на руках, я выглядела как привидение. Затем я села на вращающийся стул перед античным письменным столом и стала разглядывать доску для записок с миллиардом фотографий – Сесилия разного возраста, обнимающая почти таких же красивых подруг, Сесилия в желтом бикини на купальных мостках, Сесилия с коннемарским пони, который был у нее одно лето. И везде друзья и подруги. Я не могу себе представить, как Сесилия выдерживает, когда вокруг нее люди, с которыми постоянно надо разговаривать, которые не могут помолчать ни минутки, пока ты думаешь, рисуешь или читаешь. Внезапная скорбь накатилась на меня, когда я осознала, что у меня больше никогда не будет такого друга, как Поль. Я уверена, что нет на свете другого человека, который бы так подходил мне, с которым было бы весело и интересно и который к тому же так хорошо относился бы ко мне – по-настоящему. Я подумала о бумажке, которую он написал. Поль часто передавал мне записки. Я находила их под подушкой или в учебнике математики. Там было все, от ироничных шуток, непонятных постороннему, до цитат из философов, которых он читал. Если бы он, вопреки моим предположениям, покончил с собой, то написал бы мне письмо, в этом я совершенно уверена.

Я сняла с доски снимок Сесилии. Он был сделан на весеннем балу в девятом классе. На ней бледно-розовое платье из двух частей, она обнимает двух одноклассниц. Где-то с краю я смогла различить кусочек своего зеленого платья. Не успев даже подумать, я разорвала фотографию на две части, выкинула в корзину для бумаг под столом и вышла из комнаты. Сесилия, конечно, заметит, что я заходила в ее комнату (у нее словно чутье на мой запах – знает, что я

была там, даже когда я ни к чему не прикасалась), а потом увидит, что фотография пропала, и пойдет жаловаться маме, а мама затянет свою обычную песню – дескать, важно уважать личное пространство других людей, когда же я перестану нарушать социальные границы?

Вернувшись в свою комнату, я принялась доставать из чемодана аккуратно сложенную одежду. Успела убрать в шкаф три вещи, и тут запал кончился. После этого я не знала, чем заняться. Я ощущала усталость, но не находила себе места и не могла улечься. Мне словно чего-то не хватало – прошло какое-то время, прежде чем до меня дошло, что мне хочется курить. В тумбочке к большой своей радости я обнаружила полпачки «Блэнд». Открыв окно, я села на подоконник и закурила сигарету. В Гудхаммаре царят особые запахи. Пробыв там какое-то время, начинаешь привыкать, но тут я отчетливо ощущала этот трудно поддающийся описанию аромат дерева, земли и гравия.

Между ветками дерева я могла разглядеть очертания мостков на берегу озера. Мне вспомнилось, как мы с Сесилией, еще совсем маленькие, соревновались, кто дольше сможет пробыть под водой. Неважно, что у меня куда лучше получалось задерживать дыхание, – мама всегда говорила, что мы обе умницы.

– *Я могла бы продержаться и дольше,* – сказала как-то Сесилия, когда я поддразнивала ее за то, что она так легко сдается. – *Я могла бы просидеть под водой так же долго, как ты, но меня просто выталкивает наверх.*

Я предложила помочь и надавила ей на голову, так что она скрылась под водой. Не то, чтобы я хотела утопить собственную сестру, как мама кричала папе, когда он бегом примчался из дома на ее крики. Я просто хотела помочь ей побить рекорд.

– Франческа, – внезапно произнесла у меня над ухом мама (у нее неприятная манера подходить крадучись).

Я тут же выпустила из рук сигарету.

– Сколько раз я должна говорить тебе, чтобы ты не сидела так на окне? Ты знаешь, сколько тут до земли?

Я посмотрела вниз – туда, куда улетела моя тлеющая сигарета – и сказала, что, наверное, метров шесть-семь.

– Больше десяти, – сказала мама.

– Ты чего-то хотела?

– Ты курила?

Я покачала головой.

– Вот это я и имею в виду, – произнесла мама. Подойдя к окну, она провела пальцем по подоконнику, собрав крошки пепла. – Как мы можем тебе доверять, если ты все время лжешь?

– Вы все равно никогда мне не доверяли, так какая разница?

– А почему это так, как ты думаешь? – спросила мама. Она села на кровать, вид у нее был несчастный. – Почему мы тебе не доверяем? Тут все как в сказке про Петера и волка, – продолжала она, не дожидаясь моего ответа. – В точности как в сказке.

– Ты о чем?

– Разве ты не помнишь эту сказку? Ты часто ее слышала в детстве, но, похоже, она тебе не запомнилась. Рассказать?

– Нет, спасибо, – ответила я, потому что на самом деле знала эту дурацкую сказку вдоль и поперек.

– Петер был пастушок, – начала мама.

– Только не сейчас, мама. У меня нет сил. Я не совсем хорошо себя чувствую.

– Думаешь, я не догадываюсь? – воскликнула мама и рывком поднялась с кровати. – А тебе не кажется, что ты только что подвергла нас с папой самому худшему, что может случиться с родителями?

– Самое худшее ведь не случилось.

– Но вполне могло случиться, если бы не... – мама всхлипнула.

– Я вовсе не собиралась кончать с собой, – ответила я.

Мама возразила, что в таком случае перерезать себе запястья – очень странное действие. Люди, которые хотят жить, такое не делают.

– Но я не хотела умереть. Меня просто мучила тоска, я так горевала из-за Поля. Мне хотелось как-то унять внутреннюю боль. Это не было попыткой самоубийства.

– Знаю, – произнесла мама и сорвала с цветка на окне увядший листок. – Это был зов о помощи.

– Ты что-то хотела? – спросила я.

– Я думаю о ситуации со школой. Я понимаю, что ты расстроена, Франческа, но...

И тут же, прежде чем я успела вставить, что о школе я переживаю менее всего, она разразилась длинной речью о том, что ничего страшного не произойдет, если я закончу школу на год позже. У меня есть запас времени – ведь я перескочила через класс. И когда вся эта ситуация... когда я начну чувствовать себя лучше, то... в общем, всегда смогу вернуться к учебе. Меня исключили не навсегда. Директор даже сказал, что я смогу вернуться, когда мне станет лучше.

– Может быть, – ответила я. Когда же она уже уйдет, ради всего святого?

– Франческа, – проговорила мама. – Только потому, что в твоей жизни произошло нечто грустное...

– Умер мой лучший друг, – сказала я.

– Да, именно это я и говорю.

– Нет, не это. Ты говоришь, что произошло нечто грустное.

– Хорошо, – мама закусилла нижнюю губу. – Но послушай меня, пожалуйста. В жизни нам выпадает не бесконечное количество шансов.

– Вот как?

– Я серьезно, Франческа. Невозможно раз за разом делать плохой выбор и ожидать, что тебе дадут новый шанс. Я говорю это не для того, чтобы тебе сделалось хуже, я вовсе этого не хочу, но как твоя мама я должна указать тебе на то, что, если отбрасывать слишком много предложений, некоторые двери могут закрыться.

Она бросила на меня печальный взгляд.

– Ответь мне, Франческа.

Я не знала, что ответить, потому что не услышала вопроса.

– Когда господь закрывает дверь, он открывает окно, – сказала я.

В эту секунду резкий порыв ветра с грохотом захлопнул мое окно.

– Я предпочитаю не видеть в этом символического значения, – сказала я.

– Может быть, именно это тебе и следует сделать, – улыбнулась мама.

– Мы закончили? – спросила я.

– Сесилия не любит, когда ты заходишь в ее комнату.

– А я туда и не заходила.

– Как тогда получилось, что на тебе ее ночная рубашка?

7

Проснувшись, Чарли сразу почувствовала неладное. Бросив быстрый взгляд на часы, она пулей соскочила с кровати. Час дня. Час! Разве она не завела будильник? Схватив в руки мобильный телефон, она выругалась, увидев все пропущенные звонки от Чалле. И еще сообщение от Андерса: *«Позвони, если не хочешь, чтобы за тобой послали патруль. Чалле думает, что ты умерла»*.

Она позвонила Чалле. Он снял трубку после первого же звонка.

– Я не умерла, – выпалила она.

– А жаль, – ответил Чалле. – Потому что это была бы единственная уважительная причина.

– Я очень сожалею.

– Приезжай, – сказал Чалле. – Нам надо поговорить.

Сидя в такси по дороге на работу, Чарли изо всех сил пыталась придумать какое-либо объяснение, однако ни одно из них не показалось ей весомым или убедительным. А просто сказать, что она проспала, было недостаточно. Ни один нормальный человек не мог проспать до часу дня. Отбросив попытки придумать разумную ложь, которая выдержала бы проверку в беседе с Чалле, она начала думать о своем ночном разговоре с Сюзанной. Сюзанну она считала одной из самых сильных женщин, которых знала. По крайней мере, та была такой в годы их молодости. Ту Сюзанну, с которой она столкнулась этим летом, изрядно потрепала жизнь и обстоятельства, а теперь ситуация еще сильнее усугубилась. *«Я буквально схожу с ума. Я просто повешусь, Чарли».*

Когда она приехала в контору, Чалле сидел на совещании. Чарли зашла в кухню.

В голове стучало от похмелья и снотворного. Ей срочно нужно было выпить кофе.

Кристина стояла возле мойки и произносила монолог на одну из своих любимых тем: что женщины должны перестать говорить друг о друге плохо и вместо этого поддерживать друг друга. Хенрик сидел за столом и кивал в знак согласия.

– А вот и ты! – воскликнула Кристина, увидев Чарли. – Чалле уже...

– Знаю, – сказала Чарли. – Знаю.

Ощущая спиной взгляд Хенрика, она подошла, чтобы налить себе кофе из кофеварки.

– Я с тобой совершенно согласен, – сказал Хенрик Кристине. – К женщинам беспощаднее всего сами женщины. А что? – спросил он, когда Чарли рассмеялась.

– Просто не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Чарли. Она взяла чашку и уселась за стол. – Есть ли научные исследования, доказывающие это?

– Доказывающие что? – переспросила Кристина.

– Что женщины хуже всего поступают с женщинами.

– Но ведь это все знают, – ответила Кристина, многозначительно воздев глаза к небу.

Чарли хотела сказать, что это не работает в качестве аргумента, однако поняла, что это напрасная трата времени. Кристина совершенно невосприимчива к таким вещам, как факты и статистика. Ей вполне хватало собственной нерушимой убежденности.

– Предположим, что вы правы, – заговорила Чарли, – но если женщины действительно больше говорят плохого о других женщинах, чем мужчины, то это, вероятно, объясняется устройством всего общества.

– Не понимаю, что тебя так возмущает, – подал голос Хенрик. – Мы не единственные, кто считает, что с женщинами поступают беспощаднее всего сами женщины.

– Это неудачная стратегия защиты – возразила Чарли, – прикрываться тем, что многие другие тоже ошибаются.

Ее по-прежнему интересовал вопрос, куда делся тот человек, которого, как ей казалось, она знала. Она пришла все к тому же неутешительному выводу: его никогда и не существовало.

Глупость Кристины раздражала ее несколько меньше. Кристина не участвовала в оперативной работе и не знала, на что способны мужчины. Она не занята расследованием дела, где двух молодых женщин выбросили в лесу, словно мусор. Ей не приходилось допрашивать глупо травмированных жертв изнасилования или заниматься детьми, чьи отцы убили их матерей у них на глазах. Она просто человек, лишенный аналитических способностей, – такой человек остается слепым даже перед лицом очевидного.

– Надеюсь, мы единомышленны в одном, – сказала Чарли, – что побои, изнасилование и убийство хуже, чем говорить о ком-то плохо.

Кристина сказала, что в этом они точно единодушны.

– Прекрасно, – ответила Чарли. – Женщины не убивают, не насилюют, не избивают. Все это проделывают с женщинами мужчины.

– Мы не совсем это имели в виду, – проговорил Хенрик.

– Тогда я, наверное, чего-то не поняла. Мне показалось, вы сказали, что к женщинам беспощаднее всего женщины.

– С тобой невозможно обсуждать такие вещи, – сказал Хенрик.

– Взаимно, – ответила Чарли. – И кстати, я вовсе не верю в то, что женщины льют друг на друга больше дерьма, чем мужчины. Я встречала достаточно мужчин, чтобы знать – у большинства из них внутри сплошное дерьмо.

Она встала, взяла чашку и вышла из кухни.

– Я закончил, – сказал Чалле, когда она проходила мимо его кабинета. – Заходи, Чарли.

Чарли уселась на стул напротив Чалле. Много раз она сидела здесь за конструктивными разговорами с начальником, здесь ее хвалили, повышали в должности и сообщали о повышении зарплаты, однако больше всего ей помнились неприятные разговоры. По поводу ее привычки употреблять алкоголь после корпоратива, о ее непрофессиональном поведении при расследовании дела Аннабель и последний разговор по поводу отпуска. Внезапно она почувствовала, что больше не может. Нет сил обороняться, умолять о том, чтобы ей дали поработать, заверять начальника, что все хорошо. Потому что все не хорошо. И прежде чем Чалле успел открыть рот, она заявила, что подумала. Чалле развел руками и попросил ее рассказать. О чем она подумала?

– Об отпуске, – сказала Чарли. – Думаю, мне нужен отпуск.

– Мне показалось, что ты хотела довести дело до конца, – проговорил Чалле.

– Знаю, – кивнула она. – Но мне позвонила подруга детства и сказала, что я нужна ей.

Я хочу поехать к ней.

– Где она живет? – спросил Чалле.

– Это имеет какое-то значение?

– Нет, я просто спрашиваю.

– В Вестергётланде.

– В Гюльспонге?

Чарли кивнула.

– Это проблема?

– Даже не знаю, – вздохнул Чалле – В смысле – ты была, мягко говоря, не в самой лучшей форме, когда вернулась из тех мест в прошлый раз.

– Кто сказал, что это связано с самим местом?

– Никто. Андерс просто упомянул, что ты там выросла. И я подумал...

– Что ты подумал?

– Что, может быть, не столь разумно снова ехать туда.

– Тут речь идет не о том, разумно это или нет, – возразила Чарли. – Речь идет о моей подруге, которая нуждается во мне.

Чалле поднялся и отошел к окну. Некоторое время он стоял молча, потом обернулся.

– Понимаю. А как же твои встречи с психологом? Важно завершить процесс, если уж ты его начала.

– Конечно, – сказала Чарли. – Я не откажусь от встреч с психологом. Просто сделаю небольшой перерыв.

– И когда ты собиралась уехать?

– Сегодня.

– Сегодня? – Чалле потянул себя за волосы. – Хорошо. Да, договорились.

– Отлично.

– Послушай, Чарли, – произнес Чалле, обращаясь к ее спине. – Береги себя.

8

Через десять минут после выезда Чарли позвонила Сюзанне, чтобы предупредить о прибытии. Трубку снял Мелькер, старший сын Сюзанны.

Чарли представилась и выразила желание поговорить с его мамой.

– Она спит, – ответил Мелькер. – Она сказала, что ее можно разбудить, только если встанет вопрос жизни и смерти. Что-нибудь передать, когда она проснется?

– Передай ей, что я уже в пути, – сказал Чарли. – Буду у вас через три часа.

– Она сказала, что ты приедешь, но не сегодня.

– У меня изменились планы. Я приеду прямо сегодня.

– Я ей передам, когда она проснется.

Положив трубку, Чарли попыталась вспомнить, сколько лет детям Сюзанны. Близнецам шесть, Нильс на пару лет постарше, а вот сколько Мелькеру? Одиннадцать? Кто заботится о них, пока мама спит? Она пришла к выводу, что они наверняка прекрасно справляются и сами. Сама она была на несколько лет моложе Мелькера, когда справлялась с приготовлением еды, уроками и отходом ко сну без всякого участия Бетти.

После часа езды Чарли остановилась у киоска «Севен-Элевен» и купила себе большой стакан латте. Начинало темнеть. Чарли любила сумерки. Темнота оказывала на нее обратный эффект по сравнению со всеми остальными, тянувшимися к свету.

Когда она вырулила обратно на скоростную трассу, перед глазами у нее снова встало лицо Франчески Мильд. Что такое она видела? Какую ложь разоблачила? Почему исчезла? И как возможно, чтобы никто из жителей Гюльспонга ни словом не упомянул о ней летом? Потому ли, что Франческа была родом не из Гюльспонга? Потому ли, что она – девочка из высших слоев общества, учившаяся в интернате и проводившая в Гюльспонге всего несколько недель в году?

Многие фонари оказались разбитыми, поэтому главная улица, идущая через центр Гюльспонга, частично утопала во мраке. Вероятно, подростки до сих пор развлекались тем, что пинали со скуки фонари, пока те не гасли. Они с Сюзанной тоже так делали. Технику они переняли у старших мальчишек. Надо со всей силы вдарить подошвой по столбу на высоте примерно полуметра. Потребовалось немало попыток и прошло немало времени, прежде чем ей удалось добиться желаемого – лампа затрещала и погасла.

Паб был ярко освещен, через окно Чарли увидела людей, сидящих за столами. Интересно, какая там атмосфера? Собрались ли уже постоянные посетители и успели ли напиться? Возле паба на столбе болталась табличка с надписью «ПРАЗДНИК УРОЖАЯ» с указанием даты ближайших выходных. «День водопадов и праздник урожая, – подумала Чарли. – Сколько же существует эта традиция?» Бетти обожала эти праздники, любила палатки с пивом, появлявшиеся на лугу между пабом и рекой, оркестр – ради такого случая приглашали профессионалов, которые умели попадать в такт и играть не мимо нот. Если что-то и делало ее счастливой, так это возможность потанцевать под настоящую музыку.

Снова воспоминания о Бетти в ее сне. Ее руки в волосах, косички, гравий, лунный свет.

– *Мам, мы куда?*

– *К знакомому.*

– *К какому знакомому?*

Нет ответа.

На дороге к дому Сюзанны фонарей не было – там царила сплошная темень. Чарли миновала маленький домик, где жила пожилая женщина со взрослым сыном. Они родственники,

призналась как-то Сюзанна. Дальние, но родственники. Не очень-то весело состоять в родстве с помешанными. Сын обычно продавал лотерейные билеты перед «Ика» и громко кричал, пугая народ, выходящий из магазина. «А что с ним такое?» – спросила как-то Чарли Лолу, мать Сюзанны, но та лишь уставилась на нее, словно не понимая вопроса. Ничего с ним такого. Он просто немного нервный. Когда он не торговал лотерейными билетами, то обычно стоял на перекрестке дорог с оранжевой палочкой и махал ею машинам в качестве приветствия. Лола считала, что это успокаивает его нервы. Однажды Чарли и Сюзанна, напившись крепкого пива, прокрались к его дому, стащили палочку и выбросили ее далеко в лесу. Зачем? Ответа Чарли не знала.

Задумавшись, она чуть было не пропустила съезд к дому Сюзанны. Увидев деревянную виллу с приветливо освещенными окнами, она вздохнула с облегчением.

Чарли как раз занесла руку, чтобы постучать, когда дверь распахнул один из близнецов. На нем были коротковатые флисовые треники и покрытый пятнами джемпер с непомерно длинными рукавами.

– Папа от нас съехал, – заявил он вместо приветствия.

– Об этом я слышала, – ответила Чарли, пытаясь разобраться, кто перед ней – Том или Тим.

– Мама все еще расстроена, хотя уже куча времени прошла, – продолжал он и привычным движением втащил обратно таксу, пытавшуюся выскользнуть наружу. – Домой, Хиббен.

– Ты меня помнишь? – спросила Чарли, протягивая ему руку.

– Ясное дело, ты Чарли, мамина лучшая подруга.

– А ты, стало быть, Тим? – сказала Чарли на удачу.

– Том, – поправил ее мальчик.

– Вас непросто различать, – сказал Чарли.

– Я знаю, – ответил Том.

– А где твоя мама?

– Она наверху, у себя в комнате. Я боюсь зайти и проверить, проснулась ли она, потому что она очень сердится.

– Понимаю, – сказала Чарли, сдерживая улыбку. – А где твои братья?

– Нильс и Мелькер наверху, а Тим в гостиной.

В доме царил полный хаос, как вскоре констатировала Чарли. По всей прихожей валялась раскиданная обувь, в кухне громоздилась немытая посуда, оттуда доносились запахи не вынесенного кошачьего ящика и пищевых отходов.

Тим сидел на диване и ел шоколадное печенье. Занятый каким-то фильмом со сценами насилия, он даже не обратил внимания на появление Чарли. Взгляд его был прикован к экрану, где мужчина с ножом гонялся по лесу за женщиной. Чарли поздоровалась, но ответом ей был лишь кивок. Взяв со стола пульт, она нажала на красную кнопку. Ничего не произошло. Оглядевшись в поисках другого пульта, она поняла по довольному выражению лица Тима, что у него все под контролем.

– Привет, – снова сказала она.

– Приветтики, – сказал Тим и помахал рукой. – Ты мне загораживаешь, там сейчас самое интересное.

– Мне кажется, это не самый лучший фильм.

– Я смотрел его тысячу раз. Мама мне разрешает.

Чарли сдалась и отошла от экрана. Перед ней стояли куда более важные задачи, чем выбор адекватного возрасту фильма.

– Не буди маму, – сказал ей вслед Тим, когда она направилась к лестнице.

В спальне царил мрак, Сюзанна лежала, с головой накрывшись одеялом. Это походило на сцену из собственного детства Чарли. Она – ребенок, крадущийся на цыпочках в мамину спальню, а Сюзанна – Бетти, отказавшаяся от родительской роли и всего мира.

– Перестань, – прошептала Сюзанна, когда Чарли включила свет. – Дай мне еще поспать.

Подойдя к ночному столику, Чарли прочла названия на всех валявшихся там упаковках таблеток: пропаван, собрил, золофт.

– Сюзанна, – проговорила она, приподнимая одеяло. – Твои сыновья там, внизу.

– Знаю, – ответила Сюзанна. – Не говори больше ничего. Я знаю, что я совершенно ничемная. У меня нет сил.

У Чарли возникло желание сорвать с нее одеяло и сказать, что выбора нет, что надо бороться с силами, однако она не могла так поступить с подругой, зная, что в трудной ситуации повела бы себя в точности так же.

– Я тебя не осуждаю, – сказал Чарли. – Я приехала, чтобы помочь.

Сюзанна села в постели.

– Спасибо, Чарли, – проговорила она. – Я так рада, что ты здесь.

И тут она разрыдалась.

Франческа

Когда мама вышла из моей комнаты, я направилась в холл второго этажа и позвонила в Маюрен. Трубку взял кто-то из младших девочек. Прошло немало времени, прежде чем к телефону подошла Сесилия.

– Франческа?

– Да.

– Ты в Гудхаммаре?

– Да.

Повисла пауза.

– Ты чего-то хотела? – спросила наконец Сесилия.

– Как контрольная?

– Какая контрольная?

– Национальная, по английскому.

Сесилия не ответила. На заднем фоне слышались разговоры и смех.

– Зачем ты врешь? – спросила я.

– Я просто не хотела, чтобы ты снова начала на меня орать.

– Что странного в том, что меня бесит, когда моя сестра встречается с убийцей?

– Я больше не хочу говорить об этом.

– Сесилия, – сказала я. – Я уверена, что они что-то сделали с Полем – Хенрик, Эрик и ...

– Не знаю, с чего ты это взяла, – ответила Сесилия. – Он сам это сделал, Франческа. Он был в расстроенных чувствах. Все, кроме тебя, это давно поняли.

Я положила трубку.

Мама решила, что будет спать на диване в моей комнате. Я заверила ее, что в этом нет необходимости, что после недели в больнице, когда в мою палату постоянно кто-то заходил, мне особенно важно побыть одной. Но мама настаивала. Учитывая ситуацию, она не хотела идти на неоправданный риск. Она будет спать на диване, а если мне это мешает, то пусть я сделаю вид, что ее нет – она будет спать тихо, как мышка. Я ответила, что если она и может представить себе, что человека нет, когда он есть, то я на такое не способна. Кроме того, мне еще труднее засыпать, когда я не одна.

– С каких пор у тебя начались проблемы с засыпанием? – спросила мама.

– Все началось в Адамсберге, – ответила я. – Из-за того, что мне пришлось жить в одной комнате с чужими людьми.

Это не соответствовало истине. Проблемы со сном начались задолго до Адамсберга, однако я не хотела упустить случая упрекнуть маму в том, что она отправила меня туда.

– Воспитательница каждый раз говорит об этом на беседе с родителями, – сказала мама. – Она считает, что в бессоннице коренятся все твои проблемы.

– Воспитательница – полная идиотка, – возразила я.

– Почему? – спросила мама, не делая замечаний по поводу выбора слов.

– Просто идиотка – и все.

Когда мама заснула, я сняла повязку с одной руки. Порезы были и вправду глубокие. Врач, находившийся в палате в тот момент, когда я пришла в себя, сказал, что меня спас мой ангел-хранитель: еще несколько минут, и было бы поздно. Некоторое время я размышляла, что было бы, если бы воспитательница не забила тревогу, если бы она, как всегда по вечерам, болтала бы по телефону со своей сестрой и не пошла бы по комнатам гасить свет – тогда все сейчас было бы по-другому. Я представила себе свои похороны, всех этих лицемерных людей из Адамсберга, которые пришли бы в школьных пиджаках – мальчики с зачесанными волосами и опущенными головами и девочки с водостойкой тушью на ресницах, роняющие фальшивые слезы, как на панихиде по Полю. Они пожимали бы руку маме и папе, кланялись, приседали и выражали бы соболезнования. Они сказали бы, что я была такой замечательной девушкой, такой веселой и яркой (в Адамсбергской школе лгунов пруд пруди). А потом директор начал бы нести пургу по поводу того, что я была талантливая девочка с большими мечтами о будущем, ах, как трудно представить себе, что такое юное существо может так внезапно взять и уйти.

Примерно так они говорили о Поле. Панихида состоялась через неделю после его смерти, и к тому моменту у меня не хватало сил и ясности мысли, чтобы переработать впечатления от того вечера, но чем больше проходило времени, тем яснее становились смутные воспоминания. Лежа в больнице, я пыталась поговорить об этом с персоналом. «Брюки...» – шепнула я бедной санитарке. Она вскрикнула, потому что думала, будто я сплю – ясное дело, она перепугалась, когда сумасшедшая пациентка схватила ее за руку среди ночи и стала бормотать нечто бессвязное. «Брюки были мокрые, – крикнула я ей вслед, когда она выбежала в коридор. – С них текла вода!»

На следующее утро я хотела позвонить Сесилии, но мне не разрешили. Мне нельзя было звонить никому. Персонал не дал мне иных объяснений запрета на телефонные разговоры, кроме того, что мне необходим отдых. Потому что когда человек в таком состоянии, как я, важно лежать спокойно и как можно меньше общаться с окружающим миром.

Я пыталась объяснить все молодому врачу-практиканту: про розу, про воду, про возбужденное состояние парней.

Врач ответил, что никоим образом не хочет обесценивать мои переживания, однако посоветовал мне подождать, пока все у меня в голове уляжется. В моем организме обнаружили лекарство, вызывающее галлюцинации, и это, вместе с большим количеством алкоголя, который я выпила, могло привести к провалам в памяти. Иными словами, не следует полагаться на то, что я, как мне кажется, помню. Мой мозг был отравлен. Он работал не так, как обычно.

Тогда я подумала, что он, наверное, прав, что лучше будет сделать так, как говорят все – отдыхать и не горячиться. Но у меня не получалось.

Я вертелась в постели в своей комнате в Гудхаммаре. Мама дышала слишком шумно. Когда я это заметила, абстрагироваться от этого уже не удавалось. Почему меня не могут оставить в покое? Как я должна снова стать нормальной, если мне не дают поспать?

Стоило мне закрыть глаза, как вдруг вспомнились слова Поля, которые он произнес перед тем, как мы расстались, чтобы пойти переодеваться к осеннему балу.

«Мне кажется, я нашел того, кого искал. Похоже, я влюбился, Франческа».

«В кого?» – крикнула я теперь в своих мыслях. В кого? Но все было покрыто мраком.

Я села в постели. Кого же встретил Поль? Это должен быть кто-то в школе, потому что дома он общается только с папой, братом и бабушкой. И он не из тех, кто поедет в ближайший городок, чтобы проскользнуть в «Городской отель» и выпить. Я достала старый школьный каталог и принялась листать его – почти в каждом классе мелькали красивые девчачьи лица, однако ни одна из них, насколько мне известно, не могла даже близко сравниться с Полем в полете мысли. «Но любовь – это не только сходство», – подумала я. Разве Поль сам не заявил как-то, что именно это самое странное в любви: она иррациональна, не управляется разумом.

9

Часы показывали семь, однако с учетом беспорядка в кухне и лежания Сюзанны в кровати Чарли подозревала, что никто в доме давно не ел полноценной еды.

– Вы проголодались? – спросила она мальчишек.

Мелькер и Нильс тоже спустились вниз и смущенно поздоровались с ней. Чарли хотелось сказать им, что она последний человек на земле, которого им стоит стесняться.

Все четверо заявили, что голодны.

– Что скажете по поводу пиццы? – спросила Чарли.

Тим и Том возликовали и тут же принялись обсуждать, какую пиццу выбрать.

– А колу тоже возьмем? – спросил Тим. – Прекрати, – продолжал он, когда Нильс ткнул его локтем в бок.

– Достаточно будет и пиццы, – сказал Нильс.

Близнецы и Нильс захотели поехать с Чарли в пиццерию. Мелькер сказал, что останется дома на случай, если Сюзанне понадобится помощь.

– Тебе нравится работать в полиции? – спросил Тим, едва они сели в машину.

– Чаще всего – да, – ответила Чарли.

– А почему не всегда?

– Нет такой работы, которая бы всегда нравилась, – ответила Чарли, – и к тому же иногда приходится иметь дело с довольно неприятными вещами.

– Тебе случалось кого-нибудь убивать? – спросил Нильс.

Возникла краткая пауза, перед глазами у Чарли пронеслись образы: озеро, Маттиас, тянувший руки из воды, воцарившаяся тишина, когда растаяли круги на воде.

– Что, правда? – спросил Тим. – Ты кого-то убила, Чарли?

– Нет.

Свернув с большой дороги, они припарковались перед большими окнами пиццерии «Веселый лосось». Тим указал на засыпанное сажей место по другую сторону улицы, где раньше находилась вторая пиццерия, и объяснил, что она «сголера».

– Сгорела, – вздохнул Нильс. – От слова «гореть».

– А я так и сказал. Сголера.

«Подумать только, что от дома осталась только печка и труба».

– Что ты говоришь, Чарли? – переспросил Тим и засмеялся.

– Да нет, ничего. Просто старая сказка.

Внутри было всего два посетителя, сидевших за разными игровыми автоматами. Чарли велела мальчишкам взять из холодильника шесть напитков, а сама подошла к кассе, чтобы расплатиться.

– А не слишком дорого получается? – встревоженно спросил Нильс. – Я могу сбежать в продуктовый и купить большую бутылку.

– Не надо, для этого мы слишком голодные, – ответила Чарли. – Но спасибо, что ты это предложил.

«Нехватка денег, – подумала она. – Постоянный страх, что их не хватит». Временами она по-прежнему ощущала его, хотя сейчас у нее все было хорошо. Наверное, от этого страха уже никогда не избавиться, если когда-то существовал на грани выживания.

– Глядите-ка, Беттина дочка вернулась, – воскликнул один из мужчин у игрового автомата.

Это был Свенка – теперь Чарли его узнала. В руке он держал бутылку пива.

– Привет, – сказала она. – Как дела?

– Супер, – ответил Свенка. – Чудесно, когда разбежались наконец все журналисты и прочие чужаки залетные, которые летом все тут заполонили. Авось не случилось опять никакого дерьма? Никого больше не прихлопнули?

– Прихлопнули? – переспросила Чарли. – А ты не прочел, к чему пришли залетные полицейские? И что написали по этому поводу залетные журналисты? Никакого убийства не доказали.

– Это еще не значит, что его не было.

– Ты что-то знаешь, чего не знаю я?

– Нет.

– Тогда не понимаю, почему ты...

– Просто я не верю, что вы делаете свою работу как положено, – ответил Свенка с ухмылкой. – У меня не самый приятный опыт общения с полицейскими.

– Понимаю, – кивнула Чарли. – Выигрываешь что-нибудь?

Она кивнула в сторону игрового автомата.

– Да, но проигрываю еще больше, хотя это, наверное, так и задумано.

Чарли внимательно оглядела Свенку. Дряблая кожа, взгляд еще более мутный, чем летом.

– Можно задать тебе один вопрос? – спросила она.

– Я не за рулем, – ответил Свенка и поднял обе ладони. – С тех пор как у меня отобрали права, я ни единого метра не проехал.

– Охотно верю, – ответила Чарли. – Я здесь не по работе.

– А в каком же качестве ты здесь?

– Как подруга.

– А, ну тогда спрашивай.

– Тебе что-нибудь известно про Гудхаммар?

– Усадьбу?

Чарли кивнула, и Свенка отпил глоток пива.

– Просто черт-те что.

– А именно?

– Как можно бросить такой красивый старый дом на произвол судьбы! Он стоит без призора и разрушается. Но сделать ничего нельзя – владельцы и продать не хотят, и сами не ремонтируют.

– А кто владельцы?

– Семейство Мильд, но они тут не бывали с тех пор, как их дочь свалила.

– Свалила?

– Ну да, по крайней мере так говорили. Все это было чертовски давно.

– А почему они не продадут усадьбу?

– Понятия не имею, – Свенка пожал плечами. – Наверное, могут себе позволить не продавать. Может быть, однажды они еще вернутся сюда и все обновят.

– Ты их знал?

– Знал? – Свенка хохотнул. – Они не очень-то общались с нами, простыми смертными.

– А дочь? Та, которая пропала? Тебе о ней что-нибудь известно?

Свенка отпил еще глоток пива.

– Про нее говорили, что она не такая важная, как все остальные в ее семейке. Может быть, потому она и свалила.

– Ты уверен, что она свалила?

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать – ведь неизвестно, что там произошло.

– А, так вот почему ты здесь?

Свенка широко улыбнулся, словно только что открыл для себя большой секрет.

– Я случайно услышала об этом, и мне стало любопытно.

– Ты любопытная душа, – сказал Свенка. – В точности как мать твоя.

Он оглянулся в сторону двери.

– Смотрите-ка, кто пожаловал!

Чарли не сразу узнала Сару, дочь Свенки. Та покрасила волосы, глаза были подведены черной обводкой. Перед ней стоял более крутой вариант той девочки, с которой Чарли сидела летом на вышке для прыжков в воду.

– Привет, Сара, – поздоровалась Чарли.

– Привет, – Сара взглянула на нее. – А ты что тут делаешь? В смысле...

Она неуверенно улыбнулась.

– К подруге приехала, – ответила Чарли и кивнула в сторону мальчиков, топтавшихся у прилавка.

– И чего же ты хочешь, сердце мое? – спросил Свенка Сару.

Сара воздела глаза к небу и сказала, что он забыл положить ключ в условленное место. В очередной раз.

– Ах ты черт, – пробормотал Свенка и стал похлопывать себя по карманам куртки. – Куда же я дел, черт подери? А что, своего у тебя нет?

– Мой ключ у тебя, – устало сказала Сара. – А свой ты потерял.

– Ах да, – сказал Свенка. – А тебе обязательно надо домой?

– Да плевать, переночую у Юнаса, – бросила Сара, развернулась и ушла.

«Окликни ее, – хотелось сказать Чарли. – Позови слесаря. Сделай что-нибудь!»

Наконец пиццы приготовились. Совместными усилиями близнецы и Нильс дотащили коробки.

– Он тебе наврал, – сказал Нильс, когда они сели в машину. – Этот старикашка, с которым ты разговаривала, – он тебе наврал.

– Он приехал сюда сам. – Нильс указал на желтую «вольво 240» на парковке. – Вон его машина стоит.

– Может быть, у него есть кто-то, кто его возит? – предположила Чарли.

– Не думаю, – проворчал Нильс. – Ему вообще верить нельзя.

Чарли взглянула на него в зеркало заднего вида.

– Ты его знаешь? – спросила она.

– Один раз в магазине он говорил маме странные вещи. Я его не терпеть не могу.

Когда они вернулись с пиццами, Сюзанна уже поднялась. Она даже приняла душ и встретила их в прихожей с полотенцем на голове. Чарли рассказала, что Нильс сказал о Свенке, но Сюзанна лишь закатила глаза и проворчала что-то насчет детей, которые все преувеличивают.

– Вы с ним общаетесь?

– Я иногда покупаю у него самогонку.

Сюзанна понизила голос.

– Дешево, экологично и создает новые рабочие места. Чего еще желать?

- Ну, чтобы это еще не было противозаконно, если уж подходить совсем педантично.
- Слава богу, мы не такие.
- Вы о чем? – спросил Нильс.
- Ни о чем, – поспешила ответить Сюзанна. – Доставай стаканы и приборы.

Едва Чарли поставила коробки на стол, как мальчишки проглотили большую часть пищи. Однако ее порадовало, что Сюзанна тоже поела. Подруга сильно похудела по сравнению с летом, а когда в жизни наступает кризис, очень важно есть и спать. Казалось бы, нет ничего проще, но, когда проваливаешься во тьму, это невероятно трудно.

После еды близнецы захотели поиграть с Чарли. В гостиной у них была устроена трасса, а у всех машинок были имена и характеры. Чарли невольно увлеклась их фантастическим миром.

Сюзанна сидела за столом и смотрела на них, не принимая участия в игре. Через некоторое время она бросила взгляд на часы и сказала Тиму и Тому, что время позднее и им пора надевать пижамы, чистить зубы и ложиться.

- Как ты здорово умеешь играть! – сказала Сюзанна, когда близнецы ушли наверх.
- Ты считаешь?

– По крайней мере, по сравнению со мной. Никогда не понимала взрослых, которые могут общаться с детьми, не умирая от скуки. Когда меня все же заставляют играть, я младенец, который лежит неподвижно, а если играем в доктора – умирающий пациент, который не может пошевелиться.

– Думаю, быть с ними постоянно – совсем другое дело, – заметила Чарли. – И потом, то, что родители должны играть со своими детьми – это какое-то новшество, да?

– Похоже, что да, – кивнула Сюзанна. – Во всяком случае, я не помню, чтобы мама или папа когда-либо со мной играли.

Чарли подумала о Бетти. Та не то чтобы прямо играла с ней, но в периоды просветления все, что они делали вместе, казалось игрой – походы в кондитерскую, вечернее купание, танцы. *«Ты за кавалера, я за даму».*

– Порой мне кажется, что я ни на йоту не лучше собственных родителей, – вздохнула Сюзанна.

- Мы делаем, что можем, – ответила Чарли.
- Они тоже делали, что могли. Ясно одно: этого было недостаточно.
- Да, тут ты права.

Сюзанна глубоко вздохнула.

– На днях я сделала нечто ужасное, – проговорила она. – Разругалась с Мелькером. Он меня спровоцировал, я была уставшая и... я прижала его к стене и стала орать на него, прямо в лицо.

Чарли не знала, что сказать. Она и сама прекрасно помнила, как страшно ей становилось, когда Бетти теряла над собой контроль. *«Все к гребаным чертям!»*

- Может быть, ты немного преувеличиваешь, – сказала она.
- Я была так близка к тому, чтобы его ударить, так грубо его схватила и...
- Знаешь, я не считала, сколько раз Бетти грубо хватала меня, – проговорила Чарли, – но точно много.

- Ну, Бетти же не такая, как все.
- Просто я хочу сказать – не стоит так строго себя судить.
- А мужику, который признался, что прижал к стене свою жену, ты бы тоже так сказала?
- Нет.

– Я держала Мелькера и кричала в сантиметре от его лица. Ясное дело, это родительское насилие. Он был в таком шоке, что даже не заплакал. И сколько бы я ни просила прощения,

я не могу изменить того, что уже произошло. Ничего не могу поделать с тем, как он теперь на меня смотрит.

– Но ты можешь сделать все, чтобы это не повторилось, – сказала Чарли.

Потянувшись за рулоном бумажных полотенец, стоявшим на столе, она оторвала кусок и протянула Сюзанне. Ей хотелось сказать что-нибудь о том, что муки совести – признак здорового начала, гарантия, что она так больше не поступит, но потому вспомнила всех мужей, которые избивали своих жен, а потом громко сожалели об этом, и поняла, что слова – всего лишь пустые слова.

Провалы во времени

– А я и не знала, что ты умеешь играть на гитаре, – говорю я.

– На самом деле не умею, – отвечает Поль. – Я и нот-то не знаю.

Мы в церкви, сидим впереди перед самым Иисусом на кресте. Поль – на маленькой подставке, где новобрачные становятся на колени, а я – напротив него, спиной к крестильной купели. Поль где-то нашел гитару. Его пальцы легко бегают по струнам.

Какая разница, что не знаешь нот, если умеешь играть, как Поль? Звучит прекрасная грустная мелодия, которой я никогда раньше не слышала. Я закрываю глаза. И тут Поль начинает петь:

*Эх, Франческа!
Не предупредила*

Я открываю глаза. Поль улыбается мне, делает паузу и начинает с начала.

*Эх, Франческа!
Не предупредила
И тихо на цыпочках
Утром ты уходила.
Спасибо за солнечный свет,
За то, что со мною была,
За то, что тебя со мной нет,
За то, что свободной ушла².*

А потом он говорит мне, что мое имя означает именно это – свободная. Франческа означает «свободная».

10

Вскоре после того, как Сюзанна сходила наверх, чтобы пожелать детям спокойной ночи, зазвонил ее телефон.

– К слову о прекрасных матерях, – бросила она, взглянув на дисплей.

² Стихотворный перевод А. Колесова

Поднявшись, она вышла, прижав телефон к уху. Через несколько минут вернулась.

– Не понимаю, зачем я отвечаю, – произнесла она. – Но где-то в глубине души все равно надеюсь, что она трезвая.

Сюзанна вздохнула.

– Хотя – кто я такая, чтобы ее критиковать? Более всего мне хотелось бы сделать то же самое. После того, что произошло летом... у меня такое ощущение, что я падаю, лечу вниз и ни за что не могу зацепиться. Тебе знакомо это чувство?

– Слишком хорошо знакомо.

– Я не имею в виду, что я бы тоже... – Сюзанна потрясла головой. – Пойми, Чарли, я никогда бы этого не сделала, но иногда мне кажется, что я сейчас умру от усталости, мне просто хочется запереться в комнате с полной звукоизоляцией. Здесь никогда не бывает тихо, ни минуты покоя, и даже когда мальчики не ссорятся, а просто разговаривают, мне хочется зажать уши руками – даже тогда, когда они хотят рассказать мне, что делали в школе, самые обычные вещи. Я часто думаю – как хорошо быть... мертвой.

Чарли так хотелось сказать что-нибудь возвышенное о ценности жизни, но слова не приходили. Ее тоже часто посещали такие мысли.

– Мне так хотелось бы, чтобы Исаак тоже заботился о детях, а не бросил меня вот так посреди всего этого. Если бы я только могла поспать, чтобы мне не мешали, и додумать несколько мыслей, то...

– Как давно его нет?

Сюзанна ответила, что точно не знает, что все смешалось, но, кажется, уже скоро два месяца. Несколько раз он звонил, но с детьми не встречался, говорил, что ему многое надо обустроить – он сейчас занят собственной судьбой.

– А ты нет?

Сюзанна пожала плечами.

– Но теперь я здесь, – сказала Чарли. – Так что ты можешь устраивать то, что считаешь нужным, спать, думать – все, что угодно.

– Тут дело не только в Исаке. Все началось намного раньше, до того, как он... подожди минутку.

Сюзанна вышла в кухню и вернулась с пачкой «Принца». Не спрашивая Чарли, протянула ей сигарету, еще одну взяла себе. Они закурили от каминной зажигалки.

– Мне надо было давно с ним расстаться, – проговорила Сюзанна, стряхивая пепел на каминную полку. – Еще несколько лет назад я начала мечтать о разводе. Какая же я идиотка! Где мое самоуважение? В кого я превратилась?

Она обернулась к Чарли, словно ожидая ответа.

– Ты ведь не первая, кто... – Чарли не знала, как закончить фразу. Не первая, поверившая в любовь – и обманутая?

– Столько лет я ему доверяла, – Сюзанна безрадостно рассмеялась. – Похоже, мозги отказывались верить, что он мне врет, хотя задним числом это очевидно. Он спал с другими. Да, но ведь мне не легче от того, что такое сплошь и рядом, – произнесла она таким тоном, словно Чарли что-то сказала по этому поводу. – Для того, с кем это случилось, это все равно ад крошечный. Лучше бы он меня бросил. Почему он от меня раньше не ушел?

Чарли подумала о Хенрике и его беременной жене.

– Возможно, потому, что ему хотелось сохранить за собой все, – ответила она и чуть было не добавила мантру Бетти – что все мужики сволочи.

«А я сама? – подумала она. – У меня тоже все не совсем моногамно – с другой стороны, я и не обещала никому верности до гроба».

– Но самое ужасное – Аннабель, – вздохнула Сюзанна. – Все не могу выбросить ее из головы. Так и вижу перед собой ее лицо. Встречаю иногда ее отца в «Ике» – вижу, как он ссутулился и постарел. И я чувствую... чувствую себя такой виноватой.

– Почему? – спросила Чарли. – Из-за чего ты чувствуешь себя виноватой?

– Из-за всего, – ответила Сюзанна. – Из-за того, что я наорала на нее в тот день, что меня настолько ослепила ревность – и я выместила все не на том человеке, что я скрыла от полиции ее отношения с Исаком. И я понимаю, что бессмысленно себя всем этим мучить, но пойдی объясни это моей голове.

– Это пройдет, – сказала Чарли, но потом поправилась: – По крайней мере, со временем становится легче.

Она не была уверена, что это правда, но что ей еще оставалось сказать?

– Я знаю, Исаак ее не убивал, – продолжала Сюзанна, – но я не могу не думать, что она, возможно, была бы жива, если бы он держался от нее подальше или если бы я поговорила с ней, вместо того чтобы орать. А теперь ее отец бродит, как привидение, а мама в сумасшедшем доме. Гребаная, трижды проклятая жизнь!

Сюзанна отставила бокал и кинула сигарету в огонь камина.

– Не знаю, как ты, а мне нужно что-нибудь покрепче.

– Я буду то же, что и ты, – ответила Чарли.

Она ощутила, как в животе зашекетало от предвкушения. «Я должна сказать «нет», – подумала она. – Я должна сказать, что надо воздержаться от алкоголя, что мы должны справиться с жизненными неурядицами, не одурманивая себя. Но у меня нет на это сил».

Сюзанна вернулась с двумя напитками в пластмассовых стаканчиках.

– Все остальное в посудомойке, – сказала она и протянула один стаканчик Чарли.

– Что это такое?

– Небольшой коктейль из того, что нашлось у меня дома. Возможно, не самый вкусный напиток на свете, однако достаточно крепкий, чтобы согреть изнутри.

Сюзанна отпила большой глоток и оглядела комнату.

– Наверное, мне пора продать дом и оставить все это позади. Скоро Исаак потребует свою долю.

– Не может же он выставлять требования сейчас, в такой ситуации? – удивилась Чарли. – Он ведь не настолько глуп?

– Я его совсем не знаю, – ответила Сюзанна. – Не могу сказать, насколько он глуп.

– А где он живет сейчас?

Сюзанна пожала плечами. В последний раз, когда она с ним разговаривала, он был в Стокгольме, но где он сейчас, ей неизвестно. Скорее всего, он никогда больше не приедет.

– Приедет, – сказала Чарли.

– Откуда ты знаешь?

– А я и не знаю. Просто так говорят. Но я очень надеюсь – ради мальчишек, – что так оно и будет.

– Остается только надеяться, что он появится, пока не поздно – пока они не начали его ненавидеть.

– Дети... умеют прощать, – сказала Чарли.

– Не все, – возразила Сюзанна.

Некоторое время они сидели молча.

Чарли простила Бетти за все те выходки, которые та устраивала на своих вечеринках, за те дни, когда она просто лежала в кровати, не отвечая на прямое обращение, за все пропущенные родительские собрания, за все несостоявшиеся походы и поездки. Она простила, потому что поняла – Бетти не такая, как все, она не могла по-другому. Но потом, после того, что всплыло этим летом... все же есть границы того, что можно понять и простить.

– Ты всегда была терпимее к своей маме, чем я к своим родителям, – продолжала Сюзанна. – Ты так о ней заботилось, просто... просто сердце разрывалось смотреть. Помню, я задумалась над этим уже тогда – типа странно, что ты можешь быть настолько понимающей, в смысле – Бетти же... она была вроде моих предков, но у меня не было того терпения, как у тебя.

– Бетти оказалась куда хуже.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что она... она совсем не такая, как я думала.

Чарли тут же пожалела, что начала этот разговор, но затормозить уже не могла.

– Моя мама и мама Аннабель дружили в детстве, – проговорила она.

– Нора Роос? – удивилась Сюзанна. – Вот бы никогда не подумала. Но что в этом такого ужасного?

– Они убили маленького ребенка.

Сюзанна уставилась на нее.

– Не поняла, – пробормотала она. – Что-то я не догоняю, Чарли.

– Мама и Нора убили двухлетнего мальчика, когда были детьми.

– Что ты такое говоришь? Как это?

– Задушили его – вернее, по словам Норы, его задушила Бетти.

Сюзанна побледнела. Бросила взгляд на стену, украшенную фотографиями, где все ее мальчишки еще были щекастыми младенцами, лежащими на овечьих шкурах.

– Зачем?

– Если верить газетным статьям того времени, они заигрались и не смогли остановиться.

– Боже мой, Чарли. А что с ними случилось потом?

– Учреждение для малолетних преступников, приемная семья, новые личные данные. А потом... потом Нора стала странной мамашей, которой не удалось защитить свою дочь, хотя она положила на это всю жизнь. А Бетти – сама знаешь, что стало с Бетти.

Они долго сидели молча, то и дело отпивая по глотку напитка.

– Даже не знаю, что сказать... – проговорила, наконец, Сюзанна, – Представить себе не могу... какая чудовищная жестокость...

Она потрясла головой. Чарли заметила, как подруга морщит лоб, пытаясь свести воедино портрет Бетти – и хладнокровного убийцу детей.

– Я тоже себе не представляю, – сказала Чарли.

– Но почему? – спросила Сюзанна. – Почему она это сделала?

– На этот вопрос нет ответа. Гены? Трудное детство?

– У кого, черт подери, оно было не трудное? – буркнула Сюзанна. – Разве это оправдание?

Они опустошили стаканы.

– Как с таким жить? – спросила Сюзанна. – Как, черт подери, свыкнуться с мыслью, что твоя мама... я хотела сказать – Лола совсем не подарок, но чтобы она могла сотворить такое... Совершенно невероятно.

– Приходится с этим справляться так же, как люди поступали во все времена.

– А как люди поступали?

– Терпели. Проживали секунду за секундой, потом минуту за минутой, потом час за часом, день за днем – просто ждали, пока пройдет время.

– Тебе это помогает?

– Иногда.

– Единственное, что помогает мне снять страх и что не разрушает организм, – это живопись, – сказала Сюзанна.

Чарли кивнула на Сюзаннины картины по стенам.

– Ты должна снова начать рисовать, – сказала она.

– А кто тебе сказал, что я забросила это дело?

– Я просто подумала...

– Пошли, покажу, – сказала Сюзанна.

Она поднялась и вышла в прихожую. Чарли последовала за ней. Сюзанна надела деревянные башмаки и придвинула такие же Чарли.

– Это башмаки Исака, так что они могут быть тебе велики, но нам недалеко.

– Куда мы идем?

– Увидишь.

– А если дети проснутся?

– Они знают, где я.

Они пересекли двор и вошли в старый хлев.

Сюзанна повернула выключатель. Здесь все было не так, как прежде. Денники, загончики для овец и кормушки – все исчезло. Весь хлев представлял собой единое огромное пространство, а на белых стенах и по всему полу – картины Сюзанны.

– Боже мой! – воскликнула Чарли. – Боже мой, Сюзанна!

Она принялась обходить помещение. Сюзанна уселась на деревянный стул, заляпанный краской.

Чарли остановилась перед картиной, изображавшей каменную стену – на ней спиной к зрителю сидели, держась за руки, две девочки. Казалось, Чарли услышала музыку, доносившуюся из Люккебу, голос Бетти, напевавший чуть слишком высоко и слишком громко:

*Nobody knows where my Johnny has one
Judy left the same time³*

Прищурившись, Чарли увидела, как она сама на картине повернулась и посмотрела на гостей, отплясывавших среди вишневых деревьев, Бетти в красном платье, за которой бегают мужчины – но не Маттиас.

*It's my party, and I'll cry if I want to
cry if I want to, cry if I want to⁴*

Бетти отламывает с дерева ветку с полуувядшими бело-коричневыми цветами и вставляет себе в волосы.

You would cry too if it happened to you⁵

– Узнала, кто это? – спросила Сюзанна.

Чарли кивнула. Она подошла ближе.

– На мне что – мамина ночная рубашка?

³ Песня Лесли Гор «It's My Party» («Это моя вечеринка»): Никто не знает, куда ушел мой Джонни, Но Джуди исчезла в то же время (англ.).

⁴ Это моя вечеринка, и я буду плакать, если захочу, если захочу, если захочу (англ.).

⁵ Ты бы тоже заплакала, если бы это случилось с тобой (англ.).

– Да, та самая, которую ты без конца брала напрокат у Бетти.

– Прямо как фотография, – пробормотала Чарли. – Не пойму, как у тебя это получается.

– Я просто нарисовала так, как мне запомнилось, – ответила Сюзанна, словно бы сама не понимала, что большинство людей не способны создать ничего подобного, как бы точно они не помнили событие во всех подробностях. – Помнишь ту ночь?

Чарли попыталась вспомнить, как они сидели в ночных рубашках на каменной стене – но воспоминания не приходили.

– Не похоже на ночь, – проговорила она. – Ведь светло?

– Ночь праздника середины лета, – ответила Сюзанна. – На рассвете. Это видно по тому, что уже выпала роса.

Она показала на картину. Подойдя еще ближе, Чарли разглядела крошечные капельки на траве.

– В ту ночь пропал Маттиас. Самая последняя вечеринка в Люккебу.

Чарли не сводила глаз с картины. Ночь середины лета, последняя вечеринка в Люккебу.

– Мама и Маттиас начали ругаться, когда все разошлись, – проговорила она.

– Мне кажется, они поругались еще до того, как мы ушли, – возразила Сюзанна. – Ох эти пьяные ссоры! Нет ничего хуже, чем быть ребенком таких родителей, которые орут и бьют друг друга, угрожая разводом, самоубийством и еще бог знает чем. А потом, на следующий день, все как обычно.

– Но для Бетти и Маттиаса их совместная жизнь на этом закончилась, – вставила Чарли.

– Знаю. Наверное, ужасный удар для Бетти. Для вас обеих.

Чарли коснулась кончиками пальцев девочки на картине. Той девочки, которая была она сама.

– После этого мама так и не пришла в себя.

– Да и до того, как это случилось, она была не самым здоровым человеком, – пробормотала Сюзанна. – Понимаю, что это слабое утешение, но...

«И все же утешение, – пронеслось в голове у Чарли. – Знать, что не все – моя вина». На мгновение она позволила себе подумать о Маттиасе, вспомнила его руки над поверхностью воды, собственное словно парализованное состояние, когда она сидела неподвижно на берегу и только наблюдала за происходящим.

– А это то, над чем ты сейчас работаешь? – спросила Чарли, подойдя к накрытому мольберту.

– Да, – ответила Сюзанна, – но не уверена, что ее уже можно показывать.

– Прости, – пробормотала Чарли, которая уже отдернула покрывало. Увидев, что на картине, она охнула.

– Совершенно неуместно, я знаю, – сказала Сюзанна, – но эта картина явилась мне, и все тут. Я и не предполагала, что кто-то ее увидит.

Она принялась снова прикрывать картину покрывалом.

– Подожди, – попросила Чарли. – Если уж я ее увидела, то могу посмотреть на нее еще.

– Само собой, – кивнула Сюзанна. – Но черт тебя побери, если ты расскажешь кому-нибудь в поселке. Они точно решат, что я спятила.

Чарли кивнула, не отрываясь от картины. На ней виднелся мост у сельского магазина, выцветшие на солнце створки дамбы и водоворот в черной воде. Но не из-за точной передачи пейзажа от картины невозможно было отвести глаз. Взгляд притягивала девушка в голубом платье, стоящая на мосту по ту сторону перил – растрепавшиеся на ветру рыжие волосы, лицо, обращенное куда-то в сторону, левая рука поднята, словно в прощальном жесте.

Аннабель.

Франческа

Я проснулась в три часа ночи и тут же поняла, что заснуть снова будет нелегко. За окнами бушевал шторм. Ветки дуба скрежетали по стеклу. Мама крепко спала на моем диване. Она тяжело дышала во сне.

Тихонько поднявшись с постели, я прошмыгнула вниз в библиотеку. Тяжелые дубовые двери открыты нараспашку, в камине потрескивал огонь. Папа сидел в своем любимом кресле с бокалом виски в одной руке и тлеющей сигаретой в другой.

– Не спится? – спросил он, увидев меня.

– Ответ очевиден.

– Тебе не холодно? – спросил он, глядя на тонкую ночную рубашку Сесилии.

– Мне никогда не бывает холодно.

– Садись, – сказал папа, указывая на кресло рядом с собой.

Я села, положив ноги на пуфик.

– Что ты собиралась тут делать? – спросил папа и затушил сигарету. – Я хотел сказать... как ты себя чувствуешь?

– Со мной все не так плохо, как кажется.

Папа снова посмотрел на мои руки и произнес, что с его точки зрения все ужасно.

– Эта история с Хенриком Шернбергом и его компанией, – начала я, чтобы увести разговор от *события*. – В ту ночь, позади церкви – я была там. Я нашла желтую розу, которая была у Поля в кармане фрака, и...

– Постарайся больше об этом не думать, – прервал меня папа. – Не стоит тратить энергию на то, что тебе почудилось той ночью.

– В смысле – почудилось? Я же видела!

– Тебе показалось, – настаивал папа. – Мы поговорили с врачами – учитывая степень твоего опьянения и те другие вещества...

– Но я знаю, что все это видела.

– У меня две дочери, которые говорят разные вещи, и единственное, в чем я могу быть уверен, – что одна из них лжет или помнит все неверно. И я никоим образом не хочу сказать, что не доверяю тебе, Франческа, но Сесилия никогда мне раньше не врал.

– Ты хочешь сказать, что ты никогда не ловил ее на лжи.

– Да, я ведь так и сказал, разве нет?

– Ты сказал, что она никогда тебе не врал, а это огромная разница.

– Ты помнишь ту историю с Ароном Вендтом? – спросил папа.

– Как я могла бы ее забыть?

– Я только хотел сказать, что наше доверие к тебе немного...

– Ваше доверие ко мне? А как, вы думаете, обстоит дело с моим доверием к вам после всего этого?

Папа поднялся и направился к двери.

– Ты просто вот так уходишь?

– Принесу себе немного льда.

Улегшись перед огнем, я подумала о том, как к нам в Гудхаммар приезжал Арон Вендт со своей семьей. Это было на летних каникулах после седьмого класса. Папа провернул какую-то выгодную сделку вместе с отцом Арона, и они собирались это пышно отпраздновать. Брат Арона, Эрик, уехал в какой-то спортивный лагерь – кажется, что-то связанное с яхтенным спортом. В тот год Арон сдал выпускные экзамены, и, если верить старшим девчонкам из моего корпуса, он из тех, от кого надо держаться подальше, если боишься потерять свое сердце.

Перед ужином мама наставляла меня не вставать из-за стола слишком рано, не облизывать нож, не делать резких движений и не проливать соус на скатерть. Я должна слушать того, кто говорит, отвечать серьезно и задавать уместные вопросы.

Поначалу все шло прекрасно. Я сидела напротив Арона за большим деревянным столом в салоне и делала вид, что дико интересуюсь его учебой и планами по вхождению в высшие слои общества. Мама выглядела довольной, однако недовольно морщила нос каждый раз, когда я извинялась и выходила из-за стола. Мне же было просто необходимо заглянуть на кухню и отхлебнуть из открытых бутылок красного вина, проветривавшегося на столешнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.